

Александр Островский

НА ВСЯКОГО МУДРЕЦА ДОВОЛЬНО ПРОСТОТЫ

Комедия в пяти действиях

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЛИЦА:

Егор Дмитрич Глумов, молодой человек.

Глафира Климовна Глумова, его мать.

Нил Федосеич Мамаев, богатый барин, дальний родственник Глумова.

Егор Васильич Курчаев, гусар.

Голутвин, человек, не имеющий занятий.

Манефа, женщина, занимающаяся гаданьем и предсказаньем.

Человек Мамаева.

Чистая, хорошо меблированная комната, письменный стол, зеркало; одна дверь во внутренние комнаты, на правой стороне другая — входная.

Явление первое

Глумов и Глафира Климовна за сценой.

Глумов *(за сценой)* . Вот еще! Очень нужно! Идти напролом, да и кончено дело. *(Выходя из боковой двери.)* Делайте, что вам говорят, и не рассуждайте!

Глумова *(выходя из боковой двери)* . Зачем ты заставляешь меня писать эти письма! Право, мне тяжело.

Глумов . Пишите, пишите!

Глумова . Да что толку? Ведь за тебя не отдадут. У Турусиной тысяча двести приданого, родство, знакомство, она княжеская невеста или генеральская. И за Курчаева не отдадут; за что я взвожу на него, на бедного, разные клеветы и небывальщины!

Глумов . Кого вам больше жаль: меня или гусара Курчаева? На что ему деньги? Он все равно их в карты проиграет. А еще хнычете: я тебя носила под сердцем.

Глумова . Да если бы польза была!

Глумов . Уж это мое дело.

Глумова . Имеешь ли ты хоть какую-нибудь надежду?

Глумов . Имею. Маменька, вы знаете меня: я умен, зол и завистлив, весь в вас. Что я делал до сих пор? Я только злился и писал эпиграммы на всю Москву, а сам баклуши бил. Нет, довольно. Над глупыми людьми не надо смеяться, надо уметь пользоваться их слабостями. Конечно, здесь карьеры не составишь — карьеру составляют и дело делают в Петербурге, а здесь только говорят. Но и здесь можно добиться теплого места и богатой невесты — с меня и довольно. Чем в люди выходят? Не все делами, чаще разговором. Мы в Москве любим поговорить. И чтоб в этой обширной говорильне я не имел успеха! Не может быть! Я сумею подделаться и к тузам и найду себе покровительство, вот вы увидите. Глупо их раздражать — им надо льстить грубо, беспардонно. Вот и весь секрет успеха. Я начну с неважных лиц, с

кружка Турусиной, выжму из него все, что нужно, а потом заберусь и повыше. Подите, пишите! Мы еще с вами потолкуем.

Глумова . Помоги тебе бог! (*Уходит.*)

Глумов (*садится к столу*) . Эпиграммы в сторону! Этот род поэзии, кроме вреда, ничего не приносит автору. Примедемся за панегирики. (*Вынимает из кармана тетрадь.*) Всю желчь, которая будет накапливать в душе, я буду сбывать в этот дневник, а на устах останется только мед. Один, в ночной тиши, я буду вести летопись людской пошлости. Эта рукопись не предназначается для публики, я один буду и автором и читателем. Разве со временем, когда укреплюсь на прочном фундаменте, сделаю из нее извлечение.

Входят Курчаев и Голутвин; Глумов встает и прячет тетрадь в карман.

Явление второе

Глумов, Курчаев и Голутвин.

Курчаев . Bonjour!

Глумов . Очень рад; чему обязан?

Курчаев (*садясь к столу на место Глумова*) . Мы за делом. (*Указывает на Голутвина.*) Вот, рекомендую.

Глумов . Да я его знаю давно. Что вы его рекомендуете?

Голутвин . Тон мне ваш что-то не нравится. Да-с.

Глумов . Это как вам угодно. Вы, верно, господа, порядочно позавтракали?

Курчаев . Малым делом. (*Берет карандаш и бумагу и чертит что-то.*)

Глумов . То-то, оно и видно. У меня, господа, времени свободного немного. В чем дело? (*Садится, Голутвин тоже.*)

Курчаев . Нет ли у вас стихов?

Глумов . Каких стихов? Вы, верно, не туда зашли.

Голутвин . Нет, туда.

Глумов (*Курчаеву*) . Не марайте, пожалуйста, бумагу!

Курчаев . Нам эпиграмм нужно. Я знаю, что у вас есть.

Глумов . Никаких нет.

Курчаев . Ну, полно вам! Все знают. У вас на весь город написаны. Вон он хочет сотрудником быть в юмористических газетах.

Глумов (*Голутвину*) . Вот как! Вы писали прежде?

Голутвин . Писал.

Глумов . Что?

Голутвин . Все: романы, повести, драмы, комедии.

Глумов . Ну, и что же?

Голутвин . Ну, и не печатают нигде, ни за что; сколько ни просил, и даром не хотят. Хочу за скандальчики приняться.

Глумов . Опять не напечатают.

Голутвин . Попытаюсь.

Глумов . Да ведь опасно.

Голутвин . Опасно? А что, прибьют?

Глумов . Пожалуй.

Голутвин . Да говорят, что в других местах бьют, а у нас что-то не слышать.

Глумов . Так пишите!

Голутвин . С кого мне писать-то, я никого не знаю.

Курчаев . У вас, говорят, дневник какой-то есть, где вы всех по косточке разобрали.

Голутвин . Ну, вот и давайте, давайте его сюда!

Глумов . Ну да, как же не дать!

Голутвин . А уж мы бы их распечатали.

Глумов . И дневника никакого у меня нет.

Курчаев . Разговаривайте! Видели его у вас.

Голутвин . Ишь как прикидывается; а тоже ведь наш брат, Исакий.

Глумов . Не брат я вам, и не Исакий.

Голутвин . А какие бы мы деньги за него взяли...

Курчаев . Да, в самом деле, ему деньги нужны. «Будет, говорит, на чужой счет пить; трудиться хочу». Это он называет трудиться. Скажите пожалуйста!

Глумов . Слышу, слышу.

Голутвин . Материалов нет.

Курчаев . Вон, видите, у него материалов нет. Дайте ему материал, пусть его трудится.

Глумов (*вставая*) . Да не марайте же бумагу!

Курчаев . Ну, вот еще, что за важность!

Глумов . Каких-то петухов тут рисуете.

Курчаев . Ошибаетесь. Это не петух, а мой уважаемый дядюшка, Нил Федосеич Мамаев. Вот (*дорисовывает*) , и похоже, и хохол похож.

Голутвин . А интересная он личность? Для меня, например?

Курчаев . Очень интересная. Во-первых, он считает себя всех умнее и всех учит. Его хлебом не корми, только приди совета попроси.

Голутвин . Ну вот, подпишите под петухом-то: новейший самоучитель!

Курчаев подписывает.

Да и пошлем напечатать.

Курчаев . Нет, не надо, все-таки дядя. (*Отталкивает бумагу, Глумов берет и прячет в карман.*)

Голутвин . А еще какие художества за ним водятся?

Курчаев . Много. Третий год квартиру ищет. Ему и не нужна квартира, он просто ездит разговаривать, все как будто дело делает. Выедет с утра, квартир десять осмотрит, поговорит с хозяевами, с дворниками; потом поедет по лавкам пробовать икру, балык; там рассядется, в рассуждения пустится. Купцы не знают, как выжить его из лавки, а он доволен, все-таки утро у него не пропало даром. (*Глумову.*) Да, вот еще, я и забыл сказать. Тетка в вас влюблена, как кошка.

Глумов . Каким же это образом?

Курчаев . В театре видела, все глаза проглядела, шею было свернула. Все у меня спрашивала: кто такой? Вы этим не шутите!

Глумов . Я не шучу, вы всем шутите.

Курчаев . Ну, как хотите. Я бы на вашем месте... Так вы стихов дадите?

Глумов . Нет.

Голутвин . Что с ним разговаривать! Поедем обедать!

Курчаев . Поедем! Прощайте! (*Кланяется и уходит.*)

Глумов (*останавливая Курчаева*) . Зачем вы с собой его возите?

Курчаев . Умных людей люблю.

Глумов . Нашли умного человека.

Курчаев . По нас и эти хороши. Настоящие-то умные люди с какой стати станут знакомиться с нами? (*Уходит.*)

Глумов (*вслед ему*) . Ну, смотрите! Маменька!

Входит Глумова.

Явление третье

Глумов и Глумова.

Глумов (*показывает портрет Мамаева*) . Поглядите! Вот с кем нужно мне сойтись прежде всего.

Глумова . Кто это?

Глумов . Наш дальний родственник, мой дядюшка, Нил Федосеич Мамаев.

Глумова . А кто рисовал?

Глумов . Все тот же гусар, племянничек его, Курчаев. Эту картинку надо убрать на всякий случай. (*Прячет ее.*) Вся беда в том, что Мамаев не любит родственников. У него человек тридцать племянников; из них он выбирает одного и в пользу его завешание пишет, а другие уж и не показывайся. Надоест любимец, он его прогонит и возьмет другого, и сейчас же завешание переписет. Вот теперь у него в милости этот Курчаев.

Глумова . Вот кабы тебе...

Глумов . Трудно, но попробую. Он даже не подозревает о моем существовании.

Глумова . А хорошо бы сойтись. Во-первых, наследство, потом отличный дом, большое знакомство, связи.

Глумов . Да! Вот еще обстоятельство: я понравился тетке, Клеопатре Львовне, она меня где-то видела. Вы это на всякий случай запомните! Сблизиться с Мамаевым для меня первое дело — это первый шаг на моем поприще. Дядя познакомит меня с Крутицким, с Городулиным; во-первых, это люди с влиянием; во-вторых, близкие знакомые Турусиной. Мне бы только войти к ней а дом, а уж я женюсь непременно.

Глумова . Так, сынок, но первый-то шаг самый трудный.

Глумов . Успокойтесь, он сделан. Мамаев будет здесь.

Глумова . Как же это случилось?

Глумов . Тут ничего не случилось, все это было рассчитано вперед. Мамаев любит смотреть квартиры, вот на эту удочку мы его и поймали.

Входит человек Мамаева.

Человек . Я привез Нила Федосеича.

Глумов . И прекрасно. Получай! (*Дает ему ассигнацию.*) Веди его сюда.

Человек . Да, пожалуй, они рассердятся: я сказал, что квартира хорошая.

Глумов . Я беру ответственность на себя. Ступайте, маменька, к себе; когда нужно будет, я вас кликну.

Человек Мамаева уходит. Глумов садится к столу и делает вид, что занимается работой.

Входит Мамаев, за ним человек его.

Явление четвертое

Глумов, Мамаев и человек Мамаева.

Мамаев (*не снимая шляпы, оглядывает комнату*) . Это квартира холостая.

Глумов (*кланяется и продолжает работать*) . Холостая.

Мамаев (*не слушая*) . Она недурна, но холостая. (*Человеку.*) Куда ты, братец, меня завел?

Глумов (*подвигает стул и опять принимается писать*) . Не угодно ли присесть?

Мамаев (*садится*) . Благодарю. Куда ты меня завел? я тебя спрашиваю!

Человек . Виноват-с!

Мамаев . Разве ты, братец, не знаешь, какая нужна мне квартира? Ты должен сообразить, что я статский советник, что жена моя, а твоя барыня, любит жить открыто. Нужна гостиная, да не одна. Где гостиная? я тебя спрашиваю.

Человек . Виноват-с!

Мамаев . Где гостиная? (*Глумову.*) Вы меня извините!

Глумов . Ничего-с, вы мне не мешаете.

Мамаев (*человеку*) . Ты видишь, вон сидит человек, пишет! Может быть, мы ему мешаем; он, конечно, не скажет по деликатности; а все ты, дурак, виноват.

Глумов . Не браните его, не он виноват, а я. Когда он тут на лестнице спрашивал квартиру, я ему указал на эту и сказал, что очень хороша; я не знал, что вы семейный человек.

Мамаев . Вы хозяин этой квартиры?

Глумов . Я.

Мамаев . Зачем же вы ее сдаете?

Глумов . Не по средствам.

Мамаев . А зачем же нанимали, коли не по средствам? Кто вас неволил? Что вас, за ворот, что ли, тянули, в шею толкали? Нанимай, нанимай! А вот теперь, чай, в долгишках запутались? На цугундер тянут? Да уж конечно, конечно. Из большой-то квартиры да придется в одной комнате жить; приятно это будет?

Глумов . Нет, я хочу еще больше нанять.

Мамаев . Как так больше? На этой жить средств нет, а нанимаете больше! Какой же у вас резон?

Глумов . Никакого резона. По глупости.

Мамаев . По глупости? Что за вздор!

Глумов . Какой же вздор! Я глуп.

Мамаев . Глуп! это странно. Как же так, глуп?

Глумов . Очень просто, ума недостаточно. Что ж тут удивительного! Разве этого не бывает? Очень часто.

Мамаев . Нет, однако это интересно! Сам про себя человек говорит, что глуп.

Глумов . Что ж мне, дожидаться, когда другие скажут? Разве это не все равно? Ведь уж не скроешь.

Мамаев . Да, конечно, этот недостаток скрыть довольно трудно.

Глумов . Я и не скрываю.

Мамаев . Жалею.

Глумов . Покорно благодарю.

Мамаев . Учить вас, должно быть, некому?

Глумов . Да, некому.

Мамаев . А ведь есть учителя, умные есть учителя, да плохо их слушают — нынче время такое. Ну, уж от старых и требовать нечего: всякий думает, что коли стар, так и умен. А если мальчишки не слушаются, так чего от них ждать потом? Вот я вам расскажу случай. Гимназист недавно бежит чуть не бегом из гимназии; я его, понятное дело, остановил и хотел ему, знаете, в шутку поучение прочесть: в гимназию-то, мол, тихо идешь, а из гимназии домой бегом, а надо, милый, наоборот. Другой бы еще благодарил, что для него, щенка, солидная особа среди улицы останавливается, да еще ручку бы поцеловал; а он что ж?

Глумов . Преподавание нынче, знаете...

Мамаев . «Нам, говорит, в гимназии наставления-то надоели. Коли вы, говорит, любите учить, так наймитесь к нам в надзиратели. А теперь, говорит, я есть хочу, пустите!» Это мальчишка-то, мне-то!

Глумов . На опасной дороге мальчик. Жаль!

Мамаев . А куда ведут опасные-то дороги, знаете?

Глумов . Знаю.

Мамаев . Отчего нынче прислуга нехорошая? Оттого, что свободна от обязанности выслушивать поучения. Прежде, бывало, я у своих подданных во всякую малость входил. Всех поучал, от мала до велика. Часа по два каждому наставления читал; бывало, в самые высшие сферы мышления заберешься, а он стоит перед тобой, постепенно до чувства доходит, одними вздохами, бывало, он у меня истомится. И ему на пользу, и мне благородное занятие. А нынче, после всего этого... Вы понимаете, после чего?

Глумов . Понимаю.

Мамаев . Нынче поди-ка с прислугой попробуй! Раза два ему метафизику-то прочтешь, он и идет за расчетом. Что, говорит, за наказание! Да, что, говорит, за наказание!

Глумов . Безнравственность!

Мамаев . Я ведь не строгий человек, я все больше словами. У купцов вот обыкновение глупое: как наставление, сейчас за волосы, и при всяком слове и качает, и качает. Этак, говорит, крепче, понятнее. Ну, что хорошего! А я все словами, и то нынче не нравится.

Глумов . Да-с, после всего этого, я думаю, вам неприятно.

Мамаев (*строго*) . Не говорите, пожалуйста об этом, я вас прошу. Как меня тогда кольнуло насквозь вот в это место (*показывает на грудь*), так до сих пор словно кол какой-то...

Глумов . В это место?

Мамаев . Повыше.

Глумов . Вот здесь-с?

Мамаев (*с сердцем*) . Повыше, я вам говорю.

Глумов . Извините, пожалуйста! Вы не сердитесь! Уж я вам сказал, что я глуп.

Мамаев . Да-с, так вы глупы... Это нехорошо. То есть тут ничего недурного, если у вас есть пожилые, опытные родственники или знакомые.

Глумов . То-то и беда, что никого нет. Есть мать, да она еще глупее меня.

Мамаев . Ваше положение действительно дурно. Мне вас жаль, молодой человек.

Глумов . Есть, говорят, еще дядя, да все равно, что его нет.

Мамаев . Отчего же?

Глумов . Он меня не знает, а я с ним и видеться не желаю.

Мамаев . Вот уж я за это и не похвалю, молодой человек, и не похвалю.

Глумов . Да помилуйте! Будь он бедный человек, я бы ему, кажется, руки целовал, а он человек богатый; придешь к нему за советом, а он подумает, что за деньгами. Ведь как ему растолкуешь, что мне от него ни гроша не надобно, что я только совета жажду, жажду — алчу наставления, как манны небесной. Он, говорят, человек замечательного ума, я готов бы целые дни и ночи его слушать.

Мамаев . Вы совсем не так глупы, как говорите.

Глумов . Временем это на меня просветление находит, вдруг как будто прояснится, а потом и опять. Большею частию я совсем не понимаю, что делаю. Вот тут-то мне совет и нужен.

Мамаев . А кто ваш дядя?

Глумов . Чуть ли я и фамилию-то не забыл. Мамаев, кажется, Нил Федосеич.

Мамаев . А вы-то кто?

Глумов . Глумов.

Мамаев . Дмитрия Глумова сын?

Глумов . Так точно-с.

Мамаев . Ну, так этот Мамаев-то — это я.

Глумов . Ах, боже мой! Как же это! Нет, да как же! Позвольте вашу руку! (*Почти со слезами.*) Впрочем, дядюшка, я слышал, вы не любите родственников; вы не беспокойтесь, мы можем быть так же далеки, как и прежде. Я не посмею явиться к вам без вашего приказания; с меня довольно и того, что я вас видел и наслаждался беседой умного человека.

Мамаев . Нет, ты заходи, когда тебе нужно о чем-нибудь посоветоваться.

Глумов . Когда нужно! Мне постоянно нужно, каждую минуту. Я чувствую, что погибну без руководителя.

Мамаев . Вот заходи сегодня вечером.

Глумов . Покорно вас благодарю. Позвольте уж мне представить вам мою старуху, она недалняя, но добрая, очень добрая женщина.

Мамаев . Что ж, пожалуй.

Глумов (*громко*) . Маменька!

Выходит Глумова.

Явление пятое

Те же и Глумова.

Глумов . Маменька! Вот! (*Указывая на Мамаева.*) Только не плакать! Счастливый случай привел к нам дядюшку, Нила Федосеича, которого вы так порывались видеть.

Глумова . Да, батюшка братец, давно желала. А вы вот родных и знать-то не хотите.

Глумов . Довольно, маменька, довольно! Дядюшка имеет на то свои причины.

Мамаев . Родня родне рознь.

Глумова . Позвольте, батюшка братец, поглядеть на вас! Жорж! а ведь не похож?

Глумов (*дергает ее за платье*) . Полноте, маменька, перестаньте!

Глумова . Да что перестаньте! Не похож, совсем не похож.

Мамаев (*строго*) . Что вы шепчете? На кого я там не похож? Я сам на себя похож.

Глумов (*матери*) . Очень нужно толковать пустяки.

Мамаев . Уж коли начали, так говорите.

Глумова . Я говорю, что портрет на вас не похож.

Мамаев . Какой портрет? Откуда у вас портрет?

Глумова . Вот видите, у нас бывает иногда Егор Васильич Курчаев. Он, кажется, вам родственник тоже доводится?

Глумов . Такой отличный, веселый мальи.

Мамаев . Да: ну, так что ж?

Глумова . Он все вас рисует. Покажи, Жорж!

Глумов . Да я, право, не знаю, куда я его дел.

Глумова . Поищи хорошенько! Еще он давеча рисовал, ну, помнишь. С ним был, как их называют? Вот что критики стихами пишут. Курчаев говорит: я тебе дядю буду рисовать, а ты подписи подписывай. Я ведь слышала, что они говорили.

Мамаев . Покажи мне портрет! Покажи сейчас!

Глумов (*подавая портрет*) . Никогда, маменька, не нужно говорить таких вещей, которые другому могут вред сделать.

Мамаев . Да вот, учи мать-то лицемерию. Не слушай, сестра, живи по простоте! По простоте лучше. (*Рассматривает портрет.*) Ай да молодец племянничек!

Глумов . Бросьте, дядюшка! И непохоже совсем, и подпись к вам не подходит: «Новейший самоучитель».

Мамаев . Похоже-то оно похоже, и подпись подходит; ну, да это уж до тебя не касается, это мое дело. (*Отдает портрет и встает.*) Ты на меня карикатур рисовать не будешь?

Глумов . Помилуйте! за кого вы меня принимаете! Что за занятие!

Мамаев . Так ты вот что, ты непременно приходи ужо вечером. И вы пожалуйста!

Глумова . Ну, я-то уж... я ведь, пожалуй, надоем своими глупостями.

Мамаев уходит, Глумов его провожает.

Кажется, дело-то улаживается. А много еще труда Жоржу будет. Ах, как это трудно и хлопотно в люди выходить!

Глумов возвращается.

Явление шестое

Глумова, Глумов и потом Манефа.

Глумов . Маменька, Манефа идет. Будьте к ней внимательнее, слышите! Да не только внимательнее — подбострастнее, как только можете.

Глумова . Ну, уж унижаться-то перед бабой.

Глумов . Вы барствовать-то любите; а где средства? Кабы не моя оборотливость, так вы бы чуть не по миру ходили. Так помогайте же мне, помогайте же мне, я вам говорю. *(Заслышав шаги, бежит в переднюю и возвращается вместе с Манефой.)*

Манефа *(Глумову)* . Убегай от суеты, убегай!

Глумов *(с постным видом и со вздохами)* . Убегаю, убегаю!

Манефа . Не будь корыстолюбив!

Глумов . Не знаю греха сего.

Манефа *(сядась и не обращая внимания на Глумову, которая ей часто кланяется.)* Летала, летала, да к вам попала.

Глумов . Ох, чувствуем, чувствуем!

Манефа . Была в некоем благочестивом доме, дали десять рублей на милостыню. Моими руками творят милостыню. Святыми-то руками доходчивее, нечем грешными.

Глумов *(вынимая деньги)* . Примите пятнадцать рублей от раба Егорья.

Манефа . Благо дающим!

Глумов . Не забывайте в молитвах!

Манефа . В оном благочестивом доме пила чай и кофей.

Глумова . Пожалуйте, матушка, у меня сейчас готово.

Манефа встает, они ее провожают под руки до двери.

Глумов *(возвращается и садится к столу)* . Записать! *(Вынимает дневник.)* Человеку Мамаева три рубля, Манефе пятнадцать рублей. Да уж кстати весь разговор с дядей. *(Пишет.)*

Входит Курчаев.

Явление седьмое

Глумов и Курчаев.

Курчаев . Послушайте-ка! Был дядя здесь?

Глумов . Был.

Курчаев . Ничего он не говорил про меня?

Глумов . Ну вот! С какой стати! Он даже едва ли знает, где был. Он заезжал, по своему обыкновению, квартиру смотреть.

Курчаев . Это интрига, адская интрига!

Глумов . Я слушаю, продолжайте!

Курчаев . Представьте себе, дядя меня встретил на дороге и...

Глумов . И... что?

Курчаев . И не велел мне показываться ему на глаза. Представьте!

Глумов . Представляю.

Курчаев . Приезжаю к Турусиной — не принимают; высылают какую-то шлюху-приживалку сказать, что принять не могут. Слышите?

Глумов . Слышу.

Курчаев . Объясните мне, что это значит?

Глумов . По какому праву вы требуете от меня объяснения?

Курчаев . Хоть по такому, что вы человек умный и больше меня понимаете.

Глумов . Извольте! Оглянитесь на себя: какую вы жизнь ведете.

Курчаев . Какую? Все ведут такую — ничего, а я виноват. Нельзя же за это лишать человека состояния, отнимать невесту, отказывать в уважении.

Глумов . А знакомство ваше! Например, Голутвин.

Курчаев . Ну что ж Голутвин?

Глумов . Язва! такие люди на все способны. Вот вам и объяснение! И зачем вы его давеча привели ко мне? Я на знакомства очень осторожен — я берегу себя. И поэтому я вас прошу не посещать меня.

Курчаев . Что вы, с ума сошли!

Глумов . Дядюшка вас удалил от себя, а я желаю этому во всех отношениях достойному человеку подражать во всем.

Курчаев . А! Теперь я, кажется, начинаю понимать.

Глумов . Ну, и слава богу!

Курчаев . Послушайте-ка вы, миленький, уж это не вы ли? Если мои подозрения оправдаются, так берегитесь! Такие вещи даром не проходят. Вы у меня того... вы берегитесь!

Глумов . Буду беречься, когда будет нужно; а теперь пока серьезной опасности не вижу. Прощайте!

Курчаев . Прощайте! (*Уходит.*)

Глумов . Дядя его прогнал. Первый шаг сделан.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЛИЦА:

Мамаев.

Клеопатра Львовна Мамаева, его жена.

Крутицкий, старик, очень важный господин.

Иван Иванович Городулин, молодой, важный господин.

Глумов.

Глумова.

Человек Мамаева.

Зала; одна дверь входная, две по сторонам.

Явление первое

Мамаев и Крутицкий выходят из боковой двери.

Мамаев . Да, мы куда-то идем, куда-то ведут нас; но ни мы не знаем — куда, ни те, которые ведут нас. И чем все это кончится?

Крутицкий . Я, знаете ли, смотрю на все это как на легкомысленную пробу и особенно дурного ничего не вижу. Наш век, век, по преимуществу, легкомысленный. Все молодо, неопытно, дай то попробую, другое попробую, то переделаю, другое переменю. Переменять легко. Вот возьму да поставлю всю мебель вверх ногами, вот и перемена. Но где же, я вас спрашиваю, вековая мудрость, вековая опытность, которая поставила мебель именно на ноги? Вот стоит стол на четырех ножках, и хорошо стоит, крепко?

Мамаев . Крепко.

Крутицкий . Солидно?

Мамаев . Солидно.

Крутицкий . Дай попробую поставить его вверх ногами. Ну, и поставили.

Мамаев (*махнув рукой*) . Поставили.

Крутицкий . Вот и увидят.

Мамаев . Увидят ли, увидят ли?

Крутицкий . Что вы мне говорите! Странное дело! Ну, а не увидят, так укажут, есть же люди.

Мамаев . Есть, есть! Как не быть! Я вам скажу, и очень есть, да не слушают, не слушают. Вот в чем вся беда: умных людей, нас не слушают.

Крутицкий . Мы сами виноваты: не умеем говорить, не умеем заявлять своих мнений. Кто пишет? Кто кричит? Мальчишки. А мы молчим да жалуемся, что нас не слушают. Писать надо, писать — больше писать.

Мамаев . Легко сказать: писать! На это нужен навык, нужна какая-то сноровка. Конечно, это вздор, но все-таки нужно. Вот я! Говорить я хоть до завтра, а примись писать — и бог знает что выходит. А ведь не дурак, кажется. Да вот и вы. Ну, как вам писать!

Крутицкий . Нет, про меня вы не говорите! Я пишу, я пишу, я много пишу.

Мамаев . Да! Вы пишете? Не знал. Но ведь не от всякого же можно этого требовать.

Крутицкий . Прошло время, любезнейший Нил Федосеич, прошло время. Коли хочешь приносить пользу, умей владеть пером.

Мамаев . Не всякому дано.

Крутицкий . Да, вот кстати. Нет ли у вас на примете молодого человека, поскромнее и образованного, конечно, чтобы мог свободно излагать на бумаге разные там мысли, прожекты, ну и прочее.

Мамаев . Есть, есть именно такой.

Крутицкий . Он не болтун, не из нынешних зубоскалов?

Мамаев . Ни-ни-ни! Только прикажите, будет нем, как рыба.

Крутицкий . Вот видите ли, у меня написан очень серьезный прожект, или записка, как хотите назовите; но ведь вы сами знаете, я человек старого образования...

Мамаев . Крепче было, крепче было.

Крутицкий . Я с вами согласен. Излагаю я стилем старым, как бы вам сказать? Ну, близким к стилю великого Ломоносова.

Мамаев . Старый стиль сильнее был. Куда! Далеко нынче.

Крутицкий . Я согласен; но все-таки, как хотите, в настоящее время писать стилем Ломоносова или Сумарокова, ведь, пожалуй, засмеют. Так вот, может ли он дать моему труду, как это говорится? Да, литературную отделку.

Мамаев . Может, может, может.

Крутицкий . Ну, я заплачу ему там, что следует.

Мамаев . Обидите, за счастье почтет.

Крутицкий . Ну вот! С какой же стати я буду одолажаться! А кто он?

Мамаев . Племянник, племянничек, да-с.

Крутицкий . Так скажите ему, чтобы зашел как-нибудь пораньше, часу в восьмом.

Мамаев . Хорошо, хорошо. Будьте покойны.

Крутицкий . Да скажите, чтобы ни-ни! Я не хочу, чтобы до поры до времени был разговор; это ослабляет впечатление.

Мамаев . Господи! Да понимаю. Внушу, внушу.

Крутицкий . Прощайте!

Мамаев . Я сам с ним завтра же заеду к вам.

Крутицкий . Милости просим. (*Уходит, Мамаев его провожает.*)

Выходят Клеопатра Львовна и Глумова.

Явление второе

Мамаева и Глумова.

Мамаева . Молод, хорош собой, образован, мил! Ах!

Глумова . И при всем при этом он мог погибнуть в безвестности, Клеопатра Львовна.

Мамаева . А кто ж ему велел быть в безвестности! Уж довольно и того, что он молод и хорош собою.

Глумова . Коли нет родства хорошего или знакомства, где людей-то увидишь? где протекцию найдешь?

Мамаева . Ему не надо было убегать общества, мы бы его заметили, непременно заметили.

Глумова . Чтобы заметным-то быть, нужно ум большой; а людям обыкновенным трудно, ох как трудно!

Мамаева . Вы к сыну несправедливы, у него ума очень довольно. Да и нет особенной надобности в большом уме, довольно и того, что он хорош собою. К чему тут ум? Ему не профессором быть. Поверьте, что красивому молодому человеку, просто из сострадания, всегда и в люди выйти помогут, и дадут средства жить хорошо. Если вы видите, что умный человек бедно одет, живет в дурной квартире, едет на плохом извозчике — это вас не поражает, не колет вам глаз, так и нужно, это идет к умному человеку, тут нет видимого противоречия. Но если вы видите молодого красавца, бедно одетого, — это больно, этого не должно быть и не будет, никогда не будет!

Глумова . Какое у вас сердце-то ангельское!

Мамаева . Да нельзя!.. Мы этого не допустим, мы, женщины. Мы поднимем на ноги мужей, знакомых, все власти; мы его устроим. Надобно, чтобы ничто не мешало нам любоваться на него. Бедность! Фи! Мы ничего не пожалеем, чтобы... Нельзя! Нельзя! Красивые молодые люди так редки..

Глумова . Кабы все так думали...

Мамаева . Все, все. Мы вообще должны сочувствовать бедным людям, это наш долг, обязанность, тут и разговаривать нечего. Но едва ли вынесет чье-нибудь сердце видеть в бедности красивого мужчину, молодого. Рукава потерты или коротки, воротнички нечисты. Ах, ах! ужасно, ужасно! Кроме того, бедность убивает развязность, как-то принижает, отнимает этот победный вид, эту смелость, которые так простительны, так к лицу красивому молодому человеку.

Глумова . Все правда, все правда, Клеопатра Львовна!

Явление третье

Глумова, Мамаева, Мамаев.

Мамаев . А, здравствуйте!

Глумова . Я уж не знаю, кому на вас жаловаться, Нил Федосеич!

Мамаев . А что такое?

Глумова . Сына у меня совсем отбили. Он меня совсем любить перестал, только вами и грезит. Все про ваш ум да про ваши разговоры; только ахает да удивляется.

Мамаев . Хороший мальчик, хороший.

Глумова . Он ребенком был у нас очень удивителен.

Мамаева . Да он и теперь почти дитя.

Глумова . Тихий, такой тихий был, что удивление. Уж никогда, бывало, не забудет у отца или у матери ручку поцеловать; у всех бабушек, у всех тетушек расцелует ручки. Даже, бывало, запрещаешь ему; подумают, что нарочно научили; так потихоньку, чтоб никто не видал, подойдет и поцелует. А то один раз, было ему пять лет, вот удивил-то он нас всех! Приходит поутру и говорят: «Какой я видел сон! Слетаются ко мне, к кровати, ангелы и говорят: люби папашу и мамашу и во всем слушайся! А когда вырастешь большой, люби своих начальников. Я им сказал: ангелы я буду всех слушаться...» Удивил он нас, уж так обрадовал, что и сказать нельзя. И так мне этот сон памятен, так памятен...

Мамаев . Ну, прощайте, я еду, у меня дела-то побольше вашего. Я вашим сыном доволен. Вы ему так и скажите, что я им доволен. *(Надевая шляпу.)* Да, вот было забыл. Я знаю, что вы живете небогато и жить не умеете; так зайдите ко мне как-нибудь утром, я вам дам...

Глумова . Покорно благодарим.

Мамаев . Не денег — нет; а лучше денег. Я вам дам совет относительно вашего бюджета. *(Уходит.)*

Явление четвертое

Мамаева и Глумова.

Глумова . Довольны, так и слава богу! Уж никто так не умеет быть благодарным, как мой Жорж.

Мамаева . Очень приятно слышать.

Глумова . Он не то что благодарным быть, он может обожать своих благодетелей.

Мамаева . Обожать? Уж это слишком.

Глумова . Нет, не слишком. Такой характер, душа такая. Разумеется, матери много хвалить сына не годится, да и он не любит, чтобы я про него рассказывала.

Мамаева . Ах, сделайте одолжение! я ему ничего не передам.

Глумова . Он даже ослеплен своими благодетелями, уж для него лучше их на свете нет. По уму, говорит, Нилу Федосеичу равных нет в Москве, а уж что про вашу красоту говорит, так печатать, право, печатать надо.

Мамаева . Скажите пожалуйста!

Глумова . Какие сравнения находит!

Мамаева . Неужели?

Глумова . Да он вас где-нибудь прежде видал?

Мамаева . Не знаю. Я его видела в театре.

Глумова . Нет, должно быть, видал.

Мамаева . Почему же?

Глумова . Да как же? Он так недавно вас знает, и вдруг такое...

Мамаева . Ну, ну! Что же?

Глумова . И вдруг такое родственное расположение почувствовал.

Мамаева . Ах, милый мальчик!

Глумова . Даже непонятно. Дядюшка, говорит, такой умный, такой умный, а тетушка, говорит, ангел, ангел, да...

Мамаева . Пожалуйста, пожалуйста, говорите! Я, право, очень любопытна.

Глумова . Да вы не рассердитесь за мою глупую откровенность?

Мамаева . Нет, нет.

Глумова . Ангел, говорит, ангел; да ко мне на грудь, да в слезы...

Мамаева . Да, вот что... Как же это? Странно.

Глумова (*переменив тон*) . Уж очень он рад, что его, сироту, обласкали; от благодарности плачет.

Мамаева . Да, да, с сердцем мальчик, с сердцем!

Глумова . Да уж что говорить! Натура — кипятик.

Мамаева . Это в его возрасте понятно и... извинительно.

Глумова . Уж извините, извините его. Молод еще.

Мамаева . Да в чем же мне его извинить? Чем он передо мною виноват?

Глумова . Ну, знаете ли, ведь, может быть, в первый раз в жизни видит такую красавицу женщину; где ж ему было! Она к нему ласкова, снисходительна... конечно, по-родственному... Голова-то горячая, поневоле с ума сойдешь.

Мамаева (*задумчиво*) . Он очень мил, очень мил!

Глумова . Оно, конечно, его расположение родственное... А ведь как хотите... близость-то такой очаровательной женщины в молодые его года... ведь ночи не спит, придет от вас, мечется, мечется...

Мамаева . Он к вам доверчив, он от вас своих чувств не скрывает?

Глумова . Грех бы ему было. Да ведь чувства-то его детские.

Мамаева . Ну, конечно, детские... Ему еще во всем нужны руководители. Под руководством умной женщины он со временем... да, он может...

Глумова . Поруководите его! Ему это для жизни очень нужно будет. Вы такая добрая...

Мамаева (*смеется*) . Да, да, добрая. Но ведь это, вы знаете, ведь это опасно; можно и самой... увлечься.

Глумова . Вы, право, такая добрая.

Мамаева . Вы, я вижу, очень его любите.

Глумова . Один, как не любить!

Мамаева (*томно*) . Так давайте его любить вместе.

Глумова . Вы меня заставите завидовать сыну. Да, именно он себе счастье нашел в вашем семействе. Однако мне и домой пора. Не сердитесь на меня за мою болтовню... А беда, если сын узнает, уж вы меня не выдайте. Иногда и стыдно ему, что у меня ума-то мало, иногда бы и надо ему сказать: какие вы, маменька, глупости делаете, а ведь не скажет. Он этого слова избегает из почтения к родительнице. А уж я бы ему простила, только бы вперед от глупостей остерегал. Прощайте, Клеопатра Львовна!

Мамаева (*обнимает ее*) . Прощайте, душа моя, Глафира Климовна! На днях я к вам, мы с вами еще потолкуем о Жорже. (*Провожает ее до двери.*)

Явление пятое

Мамаева, потом Глумов.

Мамаева . Какая болтушка! Ну, если б услышал ее сын, не сказал бы ей спасибо. Он так горд, подходит ко мне с такой холодною почтительностью, а дома вон что делает. Значит, я могу еще внушить молодому человеку истинную страсть. Так и должно быть. В последнее время, конечно, очень был чувствителен недостаток в обожателях; но ведь это оттого, что окружающие меня люди отжили и износились. Ну, вот, наконец-то. А, мой милый! Теперь я буду смотреть за тобой. Как он ни робок, но истинная страсть должна же прорываться. Это очень интересно наблюдать, когда вперед знаешь, что человек влюблен в тебя.

Входит Глумов, кланяется и останавливается в почтительной позе.

Подите, подите сюда.

Глумов робко подходит.

Что же вы стоите? Разве племянники ведут себя так?

Глумов (*целует ей руку*) . Здравствуйте, Клеопатра Львовна, с добрым утром.

Мамаева . Bravo! Как это вы осмелились наконец, я удивляюсь!

Глумов . Я очень робок.

Мамаева . Будьте развязнее! Чего вы боитесь? Я такой же человек, как и все. Будьте доверчивее, откровенней со мной, поверяйте мне свои сердечные тайны! Не забывайте, что я ваша тетка.

Глумов . Я был бы откровеннее с вами, если бы...

Мамаева . Если б что?

Глумов . Если б вы были старуха.

Мамаева . Что за вздор такой! Я совсем не хочу быть старухой.

Глумов . И я тоже не желаю. Дай вам бог цвести как можно долее. Я говорю только, что мне тогда было бы не так робко, мне было бы свободнее.

Мамаева . Отчего же? Садитесь сейчас ко мне ближе и рассказывайте все откровенно, отчего вам было бы свободнее, если б я была старухой.

Глумов (*берет стул и садится подле нее*) . У молодой женщины есть свои дела, свои интересы; когда же ей заботиться о бедных родственниках! А у старухи только и дела.

Мамаева . Отчего ж молодая не может заботиться о родных?

Глумов . Может, но ее совестно просить об этом; совестно надоедать. У ней на уме веселье, забавы, развлечения, а тут скучное лицо племянника, просьбы, вечное нытье. А для старухи это было бы даже удовольствием; она бы ездила по Москве, хлопотала. Это было бы для нее, и занятие от скуки, и доброе дело, которым она после могла бы похвастаться.

Мамаева . Ну, если б я была старуха, о чем бы вы меня попросили?

Глумов . Да, если б вы были; а ведь вы не старуха, а напротив, очень молодая женщина. Вы меня ловите.

Мамаева . Все равно, все равно, говорите!

Глумов . Нет, не все равно. Вот, например, я знаю, что вам стоит сказать только одно слово Ивану Иванычу, и у меня будет очень хорошее место.

Мамаева . Да, я думаю, что довольно будет одного моего слова.

Глумов . Но я все-таки не буду беспокоить вас этой просьбой.

Мамаева . Почему же?

Глумов . Потому, что это было бы насилие. Он так вами очарован.

Мамаева . Вы думаете?

Глумов . Я знаю наверное.

Мамаева . Какой вы всеведущий. Ну, а я?

Глумов . Уж это ваше дело.

Мамаева (*про себя*) . Он не ревнив, это странно.

Глумов . Он не смеет отказать вам ни в чем. Потом, ему ваша просьба будет очень приятна; заставить вас просить — все равно что дать ему взятку.

Мамаева . Все это вздор, фантазии! Так вы не желаете, чтоб я за вас просила?

Глумов . Решительно не желаю. Кроме того, мне не хочется, быть у вас в долгу. Чем же я могу заплатить вам?

Мамаева . А старухе чем вы заплатите?

Глумов . Постоянным угождением: я бы ей носил собачку, подвигал под ноги скамейку, целовал постоянно руки, поздравлял со всеми праздниками и со всем, с чем только можно поздравить. Все это только для старухи имеет цену.

Мамаева . Да, конечно.

Глумов . Потом, если старуха действительно добрая, я мог бы привязаться к ней, полюбить ее.

Мамаева . А молодую разве нельзя полюбить?

Глумов . Можно, но не должно сметь.

Мамаева (про себя) . Наконец-то!

Глумов . И к чему же бы это повело? Только лишние страдания.

Входит человек.

Человек . Иван Иванович Городулин-с.

Глумов . Я пойду к дядюшке в кабинет, у меня есть работа-с. (*Кланяется очень почтительно.*)

Мамаева (человеку) . Проси!

Человек уходит, входит Городулин.

Явление шестое

Мамаева и Городулин.

Городулин . Имею честь представиться.

Мамаева (упреком) . Хорош, хорош! Садитесь! Каким ветром, какой бурей занесло вас ко мне?

Городулин (садится) . Ветром, который у меня в голове, и бурей страсти, которая бушует в моем сердце.

Мамаева . Благодарю. Очень мило с вашей стороны, что вы не забыли меня, заброшенную, покинутую.

Городулин . Где он? Где тот несчастный, который вас покинул? Укажите мне его! Я нынче в особенно воинственном расположении духа.

Мамаева . Вы первый, вас-то и надобно убить, или что-нибудь другое.

Городулин . Уж лучше что-нибудь другое.

Мамаева . Я уж придумала вам наказание.

Городулин . Позвольте узнать. Объявите решение, без того не казнят. Если вы решили задушить меня в своих объятиях, я апеллировать не буду.

Мамаева . Нет, я хочу явиться к вам просителем.

Городулин . То есть поменяться со мной ролями?

Мамаева . Разве вы проситель? вы сами там где-то чуть ли не судья.

Городулин . Так, так-с. Но перед дамами я всегда...

Мамаева . Полно вам болтать — то. У меня серьезное дело.

Городулин . Слушаю-с.

Мамаева . Моему племяннику нужно...

Городулин . Что же нужно вашему племяннику? Курточку, панталончики?

Мамаева . Вы мне надоели. Слушайте и не перебивайте! Мой племянник совсем не ребенок, он очень милый молодой человек, очень хорош собой, умен, образован.

Городулин . Тем лучше для него и хуже для меня.

Мамаева . Ему нужно место.

Городулин . Какое прикажете?

Мамаева . Разумеется, хорошее! У него отличные способности.

Городулин . Отличные способности? Жаль! С отличными способностями теперь некуда деться; он остается лишней. Такие все места заняты: одно Бисмарком, другое Бейстом¹.

Мамаева . Послушайте, вы меня выведете из терпения, мы с вами поссоримся. Говорите, есть ли у вас в виду место?

Городулин . Для обыкновенного смертного найдется.

Мамаева . И прекрасно.

Городулин (*нежно*) . Нам люди нужны. Позвольте мне хоть одним глазком взглянуть на этот феномен: тогда я вам скажу определительно, на что он годен и на какое место можно будет его рекомендовать.

Мамаева . Егор Дмитрич! Жорж! Подите сюда. (*Городулину.*) Я вас оставлю с ним на несколько времени. Вы после зайдите ко мне! Я вас подожду в гостиной.

Глумов входит.

Представляю вам моего племянника. Егор Дмитрич Глумов. (*Глумову.*) Иван Иванович хочет с вами познакомиться. (*Уходит.*)

Явление седьмое

Городулин и Глумов.

Городулин (*подавая Глумову руку*) . Вы служите?

Глумов (*развязно*) . Служил, теперь не служу, да и не имею никакой охоты.

Городулин . Отчего?

Глумов . Уменья не дал бог. Надо иметь очень много различных качеств, а у меня их нет.

Городулин . Мне кажется, нужно только ум и охоту работать.

Глумов . Положим, что у меня за этим дело не станет, но что толку с этими качествами? сколько ни трудись, век будешь канцелярским чиновником. Чтобы выслужиться человеку без протекции, нужно совсем другое.

Городулин . А что же именно?

Глумов . Не рассуждать, когда не приказывают, смеяться, когда начальство вздумает состричь, думать и работать за начальников и в то же время уверять их со всевозможным смирением, что я, мол, глуп, что все это вам самим угодно было приказать. Кроме того, нужно иметь еще некоторые лакейские качества, конечно в соединении с известной долей грациозности: например, вскочить и вытянуться, чтобы это было и подобострастно и неподобострастно, и холопски и вместе с тем благородно, и прямолинейно, и грациозно. Когда начальник пошлет за чем-нибудь, надо уметь производить легкое порханье, среднее между галопом, марш-марш и обыкновенным шагом. Я еще и половины того не сказал, что надо знать, чтоб дослужиться до чего-нибудь.

Городулин . Прекрасно. То есть все это очень скверно, но говорите вы прекрасно; вот важная вещь. Впрочем, все это было прежде, теперь совсем другое.

Глумов . Что-то не видать этого другого-то. И притом, все бумага и форма. Целые стены, целые крепости из бумаг и форм. И из этих крепостей только вылетают, в виде бомб, сухие циркуляры и предписания.

Городулин . Как это хорошо! Превосходно, превосходно! Вот талант!

Глумов . Я очень рад, что вы сочувствуете моим идеям. Но как мало у нас таких людей!

¹ Бейст Фридрих-Фердинанд (1809–1886) — министр-президент и канцлер Австрии.

Городулин . Нам идеи что! Кто же их не имеет, таких идей? Слова, фразы очень хороши. Знаете ли, вы можете сделать для меня великое одолжение.

Глумов . Все, что вам угодно.

Городулин . Запишите все это на бумажку!

Глумов . Извольте, с удовольствием. На что же вам?

Городулин . Вам-то я откроюсь. Мы с вами оба люди порядочные и должны говорить откровенно. Вот в чем дело: мне завтра нужно спич говорить за обедом, а думать решительно некогда.

Глумов . Извольте, извольте!

Городулин (*жмет ему руку*) . Сделайте для меня это по-дружески.

Глумов . Стоит ли говорить, помилуйте! Нет, вы дайте мне такую службу, где бы я мог лицом к лицу стать с моим меньшим братом. Дайте мне возможность самому видеть его насущные нужды и удовлетворять им скоро и сочувственно.

Городулин . Отлично, отлично! Вот уж и это запишите! Как я вас понимаю, так вам, по вашему честному образу мыслей, нужно место смотрителя или эконома в казенном или благотворительном заведении?

Глумов . Куда угодно. Я работать не прочь и буду работать прилежно, сколько сил хватит, но с одним условием: чтобы моя работа приносила действительную пользу, чтобы она увеличивала количество добра, нужного для благосостояния массы. Переливать из пустого в порожнее, считать это службой и получать отличия — я не согласен.

Городулин . Уж и это бы кстати: «Увеличивать количество добра». Прелесть!

Глумов . Хотите, я вам весь спич напишу?

Городулин . Неужели? Вот видите, долго ли порядочным людям сойтись! Перекинули несколько фраз — и друзья. А как вы говорите! Да, нам такие люди нужны, нужны, батюшка, нужны! (*Взглянув на часы.*) Заезжайте завтра ко мне часу в двенадцатом. (*Подает ему руку.*) Очень приятно, очень приятно. (*Уходит в гостиную.*)

Входит Мамаев.

Явление восьмое

Мамаев и Глумов.

Мамаев . А, ты здесь! Поди сюда! (*Таинственно.*) Крутицкий давеча заезжал ко мне посоветоваться об одном деле. Добрый старик! Он там написал что-то, так нужно ему обделать, выгладить слог. Я указал на тебя. Он у нас в кружке не считается умным человеком и написал, вероятно, глупость какую-нибудь, но ты, когда увидишься с ним, польсти ему несколько.

Глумов . Вот, дядюшка, чему вы меня учите.

Мамаев . Лстить нехорошо, а польстить немного позволительно. Похвали что-нибудь из пятого в десятое, это приятно будет старику. Он может вперед пригодиться. Ругать его будем мы, от этого он не уйдет, а ты все-таки должен хвалить, ты еще молод. Мы с тобой завтра к нему поедем. Да, вот еще одно тонкое обстоятельство. В какие отношения ты поставил себя к тетке?

Глумов . Я человек благовоспитанный, учтивости меня учить не надо.

Мамаев . Ну вот и глупо, ну вот и глупо. Она еще довольно молода, собой красива, нужна ей твоя учтивость! Врага, что ли, ты нажать себе хочешь?

Глумов . Я, дядюшка, не понимаю.

Мамаев . Не понимаешь, так слушай, учись! Слава богу, тебе есть у кого поучиться. Женщины не прощают тому, кто не замечает их красоты.

Глумов . Да, да, да! Скажите! Из ума вон!

Мамаев . То-то же, братец! Хоть ты и седьмая вода на киселе, а все-таки родственник; имеешь больше свободы, чем просто знакомый; можешь иногда, как будто по забывчивости, лишний раз ручку поцеловать, ну, там глазами что-нибудь. Я думаю, умеешь?

Глумов . Не умею.

Мамаев . Экий ты, братец! Ну, вот так. (*Заводит глаза кверху.*)

Глумов . Полноте, что вы! Как это можно!

Мамаев . Ну, да ты перед зеркалом хорошенько поучись. Ну, иногда вздохни с томным видом. Все это немножко щекочет их самолюбие!

Глумов . Покорнейше вас благодарю.

Мамаев . Да и для меня-то покойнее. Пойми, пойми!

Глумов . Опять не понимаю.

Мамаев . Она женщина темперамента сангвинического, голова у ней горячая, очень легко может увлечься каким-нибудь франтом, черт его знает что за механик попадет, может быть, совсем каторжный. В этих прихвостнях бога нет. Вот оно куда пошло! А тут, понимаешь ты, не угодно ли вам, мол, свой, испытанный человек. И волки сыты, и овцы целы... Ха, ха, ха!

Понял?

Глумов . Ума, ума у вас, дядюшка!

Мамаев . Надеюсь.

Глумов . А вот еще обстоятельство! Чтоб со стороны не подумали чего дурного, ведь люди злы, вы меня познакомьте с Турусиной. Там уж я открыто буду ухаживать за племянницей, даже, пожалуй, для вас, если вам угодно, посватаюсь. Вот уж тогда действительно будут и волки сыты, и овцы целы.

Мамаев . Вот, вот, вот! Дело, дело!

Глумов . Клеопатре Львовне мы, разумеется, не скажем про Турусину ни слова. Не то что ревность, а, знаете, есть такое женское чувство.

Мамаев . Кому ты говоришь! Знаю, знаю. Ни-ни-ни! и заикаться не надо.

Глумов . Когда же мы к Турусиной?

Мамаев . Завтра вечером. Ну, теперь ты знаешь, что делать тебе?

Глумов . Что делать? Удивляться уму вашему.

Входят Мамаева и Городулин.

Явление девятое

Мамаев, Глумов, Мамаева и Городулин.

Городулин (*Мамаевой тихо*) . Через две недели он будет определен.

Мамаева . Через две недели я вас поцелую.

Мамаев . А, Иван Иванович! Я к вам заезжал сегодня, я хотел дать вам совет по клубному делу.

Городулин . Извините, Нил Федосеич, некогда. (*Подает руку Глумову.*) До свиданья.

Мамаев . Так поедemте вместе, я вам дорогой. Мне в сенат нужно.

Уходят.

Явление десятое

Мамаева и Глумов.

Мамаева (*садится на кресло*) . Целуйте ручку, ваше дело улажено.

Глумов . Я вас не просил.

Мамаева . Нужды нет, я сама догадалась.

Глумов (*целует руку*) . Благодарю вас. (*Берет шляпу.*)

Мамаева . Куда же вы?

Глумов . Домой. Я слишком счастлив. Я побегу поделиться моей радостью с матерью.

Мамаева . Вы счастливы? Не верю.

Глумов . Счастлив, насколько можно.

Мамаева . Значит, не совсем; значит, вы еще не всего достигли?

Глумов . Всего, на что только я смел надеяться.

Мамаева . Нет, вы говорите прямо: всего ли вы достигли?

Глумов . Чего же мне еще! Я получу место...

Мамаева . Не верю, не верю. Вы хотите в таких молодых годах показать себя материалистом, хотите уверить меня, что думаете только о службе, о деньгах.

Глумов . Клеопатра Львовна...

Мамаева . Хотите уверить, что у вас никогда не бьется сердце, что вы не мечтаете, не плачете, что вы не любите никого.

Глумов . Клеопатра Львовна, я не говорю этого.

Мамаева . А если любите, можете ли вы не желать, чтобы и вас любили?

Глумов . Я не говорю этого.

Мамаева . Вы говорите, что всего достигли.

Глумов . Я достиг всего возможного, всего, на что я могу позволить себе надеяться.

Мамаева . Значит, вы не можете позволить себе надеяться на взаимность. В таком случае, зачем вы даром тратите ваши чувства? Ведь это перлы души. Говорите, кто эта жестокая?

Глумов . Но ведь это пытка. Клеопатра Львовна.

Мамаева . Говорите, негодный, говорите сейчас! Я знаю, я вижу по вашим глазам, что вы любите. Бедный! Вы очень, очень страдаете?

Глумов . Вы не имеете права прибегать к таким средствам. Вы знаете, что я не посмею ничего скрыть от вас.

Мамаева . Кого вы любите?

Глумов . Сжальтесь!

Мамаева . Стоит ли она вас?

Глумов . Боже мой, что вы со мною делаете!

Мамаева . Умеет ли она оценить вашу страсть, ваше прекрасное сердце?

Глумов . Хоть убейте меня, я не смею!

Мамаева (*шепотом*) . Смелее, мой друг, смелее!

Глумов . Кого люблю я?

Мамаева . Да.

Глумов (*падая на колено*) . Вас!

Мамаева (*тихо вскрикивая*) . Ах!

Глумов . Я ваш раб на всю жизнь. Карайте меня за мою дерзость, но я вас люблю. Заставьте меня молчать, заставьте меня не глядеть на вас, запретите мне любоваться вами, еще хуже — заставьте меня быть почтительным; но не сердитесь на меня! Вы сами виноваты. Если б вы не были так очаровательны, так снисходительны ко мне, я, может быть, удержал бы мою страсть в пределах приличия, чего бы мне это ни стоило. Но вы, ангел доброты, вы, красавица, из меня, благоразумного человека, вы сделали бешеного сумасброда! Да, я сумасшедший! Мне показалось, что меня манит блаженство, и я не побоялся кинуться в пропасть, в которой могу погибнуть безвозвратно. Простите меня! (*Склоняет голову*)

Мамаева (*целуя его в голову*) . Я вас прощаю.

Глумов, почтительно кланяясь, уходит. Мамаева провожает его долгим взглядом.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЛИЦА:

Софья Игнатьевна Турусина, богатая вдова, барыня, родом из купчих.

Машенька, ее племянница.

Манефа.

Приживалка 1-я.

Приживалка 2-я.

Крутицкий.

Городулин.

Мамаев.

Глумов.

Григорий, человек Турусиной.

Богатая гостиная на даче в Сокольниках, одна дверь посредине, другая сбоку.

Явление первое

Машенька и Турусина выходят из средней двери.

Машенька . Поедемте, ma tante! Поедемте! Ну, пожалуйста, поедemте!

Турусина . Нет, мой друг, нет! Ни за что на свете! Я уж велела лошадей отложить.

Машенька . Помилуйте, ma tante, на что же это похоже! В кои-то веки мы сберемся выехать, и то не в час; десяти шагов от ворот не отъехали, и назад.

Турусина (*садясь*) . Мой друг, я очень хорошо знаю, что делаю. Зачем напрасно подвергать себя опасности, когда можно избежать ее?

Машенька . Но почему же нам непременно угрожала опасность?

Турусина . О чем ты еще спрашиваешь, я не понимаю? Ты сама видела: в самых воротах нам перешла дорогу какая-то женщина. Я хотела приказать остановиться, но так уж, скрепя сердце, поехала дальше, и вдруг встреча...

Машенька . Да что ж такое, что встреча?

Турусина . Да, если б с левой стороны, а то с правой.

Машенька . Да и с правой, и с левой все равно.

Турусина . Не говори так, я этого не люблю. Я не терплю вольнодумства в моем доме. Я и так довольно слышу кощунства от гостей, которые бывают у нас. Посторонним я запретить не могу, а тебе запрещаю. Мы должны беречь свою жизнь. Конечно, слишком много заботиться о себе грех, но беречь свою жизнь мы обязаны. Не надо быть упрямым! Мало ли мы видим несчастных случаев: разобьют лошади, сломается экипаж, кучер напьется пьян и завезет в канаву. Провидение печется о людях. Если тебе прямо говорят: не ездь туда-то, ты подвергнешь себя опасности, — так кто же виноват, если ты не слушаешь благого совета и сломишь себе голову?

Машенька . Нам никто не говорил: не ездь!..

Турусина . Разве непременно нужны слова! Дурная встреча красноречивей всяких слов. Еще если б была крайняя необходимость, ну, уж нечего делать, а то ехать бог знает зачем! Для того только, чтоб провести весь вечер в пустых разговорах, в пересудах о ближнем, и для этого пренебрегать указаниями свыше и подвергать себя очевидной опасности! Нет уж, покорно благодарю. Я понимаю, зачем тебе хочется ехать туда! Ты думаешь встретить там Курчаева,

самого нераскаянного безбожника, которого я к себе пускать не велю. Вот ты и тянешь тетку, нисколько не рассуждая о том, что я из-за твоего удовольствия могу переломить ногу или руку.

Машенька . Я не понимаю, ma tante, что вам не понравился Курчаев?

Турусина . Как он может мне понравиться? Он смеется в моем присутствии над самыми священными вещами.

Машенька . Когда же, ma tante, когда?

Турусина . Всегда, постоянно, он смеется над моими странницами, над юродивыми.

Машенька . Вы говорите, что он смеется над священными вещами.

Турусина . Ну конечно; я ему говорю как-то: посмотрите, у моей Матрешки от святости уж начинает лицо светиться; это, говорит, не от святости, а от жиру. Уж этого я ему никогда в жизни не прощу. До чего вольнодумство-то доходит, до чего позволяют себе забываться молодые люди! Я в людях редко ошибаюсь; вот и оказалось, что он за человек. Я вчера два письма получила. Прочти, если хочешь.

Машенька . Разве верят безымянным письмам?

Турусина . Если б одно, можно бы еще сомневаться, а то вдруг два и от разных лиц.

Входит человек и подает Турусиной письмо.

Григорий . Скитающие люди пришли-с.

Турусина . Что он говорит, бог его знает. Ну, да все равно, вероятно, богомольцы. Вели их накормить. *(Человек уходит. Турусина читает письмо.)* Вот еще письмо. Видно, что пишет женщина солидная. *(Читает вслух.)* «Милостивая государыня Софья Игнатьевна, хотя я не имею счастья...» *(Читает про себя.)* Вот слушай! «Выбор вами такого человека, как Егор Васильевич Курчаев, заставляет меня заранее проливать слезы об участи бедной Машеньки...» Ну, и так далее.

Машенька . Удивительно! Я не знаю, что и думать об этом...

Турусина . Неужели ты и теперь станешь спорить со мной? Впрочем, мой друг, если ты непременно желаешь, так выходи за него. *(Нюхает спирт.)* Я не хочу, чтоб меня звали тиранкой. Только ты знай, что ты меня этим огорчаешь и что едва ли ты вправе будешь жаловаться, если я тебе...

Машенька . Не дадите денег...

Турусина . И, главное-то, благословения.

Машенька . Нет, ma tante, не бойтесь! Я московская барышня, я не пойду замуж без денег и без позволения родных. Мне Жорж Курчаев очень нравится: но если вам неудобно, я за него не пойду и никакой чахотки со мной от этого не будет. Но, ma tante, пожалейте меня! У меня благодаря вам есть деньги. Мне хочется пожить.

Турусина . Понимаю, мой друг, понимаю.

Машенька . Найдите мне жениха какого угодно, только порядочного человека, я за него пойду без всяких возражений. Мне хочется поблестеть, покрасоваться. Так жить, как мы живем, подумайте сами, мне скучно, очень скучно.

Турусина . Я вхожу в твое положение. Суетность в твоём возрасте извинительна.

Машенька . Когда я буду постарше, ma tante, я весьма вероятно, буду жить так же, как и вы, — это у нас в роду.

Турусина . Дай бог, я тебе от всей души желаю. Это прямой путь, настоящий.

Машенька . Так, ma tante, но мне прежде надо выйти замуж.

Турусина . Не хочу скрывать от тебя, что я в большом затруднении. Нынче молодежь так испорчена, что очень трудно найти такого человека, который бы мне понравился; ты мои требования знаешь.

Машенька . Ах, ma tante, уж в Москве-то не найти! Чего-чего в ней нет! Все, что угодно. У вас такое большое знакомство. Можно обратиться к тому — другому; Крутицкий, Мамаев,

Городулин вам помогут, укажут или найдут для вас точно такого жениха, какого вам нужно. Я в этом уверена.

Турусина . Крутицкий, Городулин! Ведь они люди, Marie! Они могут обмануть или сами обмануться.

Машенька . Но как же быть?

Турусина . Надо ждать указания. Без особого указания я никак не решусь.

Машенька . Но откуда же явится это указание?

Турусина . Ты скоро узнаешь откуда; оно явится сегодня же.

Машенька . Курчаеву не отказывайте от дому, пусть ездит.

Турусина . Только ты знай, что он тебе не жених.

Машенька . Я вполне полагаюсь на вас; я ваша покорная, самая покорная племянница.

Турусина (*целует ее*) . Ты милое дитя.

Машенька . Я буду богата, буду жить весело. Ведь и вы прежде весело жили, ma tante?

Турусина . Откуда ты знаешь?

Машенька . Я знаю, знаю, что вы жили очень весело.

Турусина . Да, ты знаешь кое-что, но ты не можешь и не должна всего знать.

Машенька . Все равно. Вы самая лучшая женщина, какую я знаю, и вас я беру примером для себя. (*Обнимает тетку.*) Я тоже хочу жить очень весело; если согрешу, я покаюсь. Я буду грешить и буду каяться так, как вы.

Турусина . Празднословие, Marie! Празднословие!

Машенька (*сложив руки*) . Виновата!

Турусина . Уж ты разговорилась очень. Я устала, дай мне отдохнуть, немного успокоиться. (*Целует Машеньку; она уходит.*) Милая девушка! На нее и сердиться нельзя; она и сама, я думаю, не понимает, что болтает. Где же ей понимать? Так лепечет. Я все силы употреблю, чтобы она была счастлива; она вполне этого заслуживает. Сколько в ней благоразумия и покорности! Она меня тронула почти до слез своею детскою преданностью. Право, так взволновала меня. (*Нюхает спирт.*)

Входит Григорий.

Григорий . Господин Крутицкий.

Турусина . Проси!

Входит Крутицкий.

Явление второе

Турусина и Крутицкий.

Крутицкий (*берет ее за руки*) . Что, все нервы? а?..

Турусина . Нервы.

Крутицкий . Нехорошо! Вот и руки холодные. Уж вы того, очень...

Турусина . Что?

Крутицкий . Очень, то есть прилежно... ну, очень изнурять себя... не надо очень-то...

Турусина . Я уж вас просила не говорить мне об этом.

Крутицкий . Ну, ну, не буду.

Турусина . Садитесь.

Крутицкий . Нет, ничего, я не устал. Я вот гулять пошел, ну, дай, думаю, зайду навестить старую знакомую, приятельницу старую... хе, хе, хе!.. Помните, ведь мы...

Турусина . Ах, не вспоминайте! я теперь...

Крутицкий . А что ж такое! Что не вспоминать-то... У вас в прошедшем было много хорошего. А если и было кой-что на ваш взгляд дурное, так уж вы, вероятно, давно покаялись. Я, признаться вам сказать, всегда с удовольствием вспоминаю и нисколько не раскаиваюсь, что...
Турусина (*с умоляющим видом*) . Перестаньте!

Входит Григорий.

Григорий . Сударыня, уродливый пришел.

Крутицкий . Что такое?

Турусина . Григорий, как тебе не стыдно! Какой уродливый? Юродивый. Вели его накормить.

Григорий уходит.

Как глупы эти люди, самого обыкновенного назвать не умеют.

Крутицкий . Ну, я не скажу, чтобы в нынешнее время юродивые были очень обыкновенны. Кроме вас, едва ли их где встретишь. Обращаюсь к прежнему разговору. Вы извините, я хотел вам только сказать, что прежде, когда вы вели другой образ жизни, вы были здоровее.

Турусина . Здоровее телом, но не душою.

Крутицкий . Ну, уж этого я не знаю, это не мое дело. Вообще вы с виду были здоровее. Вы еще довольно молоды... Вам бы еще можно было пожить как следует.

Турусина . Я живу как следует.

Крутицкий . Ну, то есть рано бы ханжить-то.

Турусина . Я вас просила...

Крутицкий . Ну, виноват, виноват! не буду.

Турусина . Вы странный человек.

Входит Григорий.

Григорий . Сударыня, странный человек пришел.

Турусина . Откуда он, ты не спрашивал?

Григорий . Говорит, из стран неведомых.

Турусина . Пусть его и посадить за стол вместе с теми.

Григорий . Да вместе-то они, сударыня, пожалуй...

Турусина . Поди, поди!

Григорий уходит.

Крутицкий . Вы у этих, что из неведомых-то стран приходят, хоть бы паспорта велели спрашивать.

Турусина . Зачем?

Крутицкий . Затем, что с ними до беды недолго. Вон у одного тоже три странника спасались.

Турусина . Так что же?

Крутицкий . Ну, все трое и оказались граверы хорошие.

Турусина . Что ж за беда?

Крутицкий . Да ремесло-то плохое.

Турусина . Чем же плохо ремесло — гравирование?

Крутицкий . Не портреты же они в землянках-то гравируют.

Турусина (*тихо*) . Лики?

Крутицкий . Как же не лики! Целковые.

Турусина (*с испугом*) . Ах, что вы!

Крутицкий (*садится*) . Вот то-то же! Добродетель добродетелью, а и осторожность не мешает. Вам особенно надо беречься. Уж это дело известное, коли барыня чересчур за добродетель возьмется, так уж тут мошенникам пожива. Потому что обмануть вас в это время очень просто.

Турусина . Я делаю добро для добра, не разбирая людей. Я с вами хотела посоветоваться об одном очень важном деле.

Крутицкий (*подвигаясь*) . Что такое? говорите! Я рад, рад вам служить, чем могу.

Турусина . Вы знаете, что Машенька теперь уж в таком возрасте, что...

Крутицкий . Да, да, знаю.

Турусина . Нет ли у вас на примете молодого человека? Вы знаете, какого мне нужно?

Крутицкий . Какого вам нужно. Вот это-то и закорючка. Мало ли молодых людей... Да стойте же! Есть, именно такой есть, какого вам нужно.

Турусина . Верно?..

Крутицкий . Я вам говорю. Скромн не по летам, умен, дворянин, может сделать отличную карьеру. Вообще славный малый... малый славный. Его рекомендовали мне для некоторых занятий; ну, я того, знаете ли, попытал его, что, мол, ты за птица! Парень хоть куда! Далеко пойдет, далеко, вот увидите.

Турусина . А кто он?

Крутицкий . Как его! Дай бог память! Да вот, стойте, он мне адрес дал, он мне теперь не нужен, люди знают. (*Вынимает бумагу.*) Вот! (*Читает.*) Егор Дмитриевич Глумов! Каково пишет! Чисто, ровно, красиво! По почерку сейчас можно узнать характер! Ровно — значит, аккуратен... кругло, без росчерков, ну, значит, не вольнодумец. Вот возьмите, может быть, и пригодится.

Турусина (*берет адрес*) . Благодарю вас.

Крутицкий . Что за благодарность! Вот еще! Наш долг! (*Встает.*) Прощайте. Заходить, а? Или сердитесь?

Турусина . Ах, что вы, всегда, всегда рада.

Крутицкий . То-то! Я ведь любя. Жаль!

Турусина . Навещайте.

Крутицкий . По старой памяти? хе, хе, хе!.. Ну, до свиданья! (*Уходит.*)

Турусина . Вот и старый человек, а как легкомыслен. Как ему поверить! (*Прячет адрес в карман.*) А все-таки надо будет справиться об этом Глумове.

Входит Григорий.

Григорий . Господин Городулин.

Турусина . Проси.

Григорий уходит. Входит Городулин.

Явление третье

Турусина и Городулин.

Турусина . Очень рада вас видеть. Не стыдно вам! Что вы пропали?

Городулин . Дела, дела. То обеда, то вот железную дорогу открывали.

Турусина . Не верится что-то. Просто вам скучно у меня. Ну, да спасибо и зато, что вот изредка навещаете. Что наше дело?

Городулин . Какое дело?

Турусина . Вы уж и забыли? Вот прекрасно! Покорно вас благодарю. Да и я-то глупо сделала, что поручила вам. Вы человек, занятый, важными делами, когда вам помнить о бедных несчастных, угнетенных! Стоит заниматься этой малостью.

Городулин . Угнетенных, вы изволите говорить? Насчет угнетенных я не могу припомнить ничего-с. А вот позвольте, я теперь вспомнил: вы, кажется, изволили просить меня справиться насчет ворожей?

Турусина . Не ворожей, а гадалщицы, — это большая разница; к ворожее я бы не поехала ни за что.

Городулин . Извините! Я сознаюсь в своем невежестве: я в этих тонкостях не силен. Одним словом, вдова коллежского регистратора Улита Шмыгаева.

Турусина . Какого бы она звания ни была, это все равно, во всяком случае, она дама почтенная, строгой жизни, и я горжусь тем, что пользовалась ее особенным расположением.

Городулин . Особенным-то ее расположением, как из дела видно, пользовался отставной солдат.

Турусина . Что вы говорите! Это все вздор, клевета! Она имела успех, имела знакомство с лучшими домами, ей позавидовали и оклеветали ее. Но я надеюсь, что ее оправдали, невинность должна торжествовать.

Городулин . Нет-с, ей по Владимирке.

Турусина (*привстав*) . Как! Вот он, ваш хваленый суд! Сослать невинную женщину! За что же? За то, что она приносит пользу другим?

Городулин . Да ведь ее не за гаданье судили.

Турусина . Нет, вы мне не говорите! Все это сделано в угоду нынешнему модному неверию.

Городулин . Ее судили за укрывательство заведомо краденых вещей, за пристанодержательство и за опоение какого-то купца.

Турусина . Ах, боже мой! Что вы говорите!

Городулин . Святую истину. Жена этого купца просила у нее приворотного зелья для мужа, чтобы больше любил; ну, и сварили зелье по всем правилам, на мадере: только одно забыли — спросить дозволение медицинской управы.

Турусина . Что же купец?

Городулин . Подействовало. Умер было, только не от любви.

Турусина . Вам все это смешно, я вижу. У юристов и у медиков сердца нет. И неужели не нашлось ни одного человека, который бы заступился за эту бедную женщину?

Городулин . Помилуйте, ее защищал один из лучших адвокатов. Красноречие лилось, клубилось, выходило из берегов и наконец стихло в едва заметное журчанье. Ничего сделать было нельзя, сама призналась во всем. Сначала солдат, который пользовался ее особенным расположением, потом она.

Турусина . Я этого не ожидала! Как легко ошибиться! Нельзя жить на свете!

Городулин . Не то что нельзя, а при смутном понимании вещей действительно мудрено. Теперь учение о душевных болезнях довольно подвинулось, и галлюцинации...

Турусина . Я вас просила не говорить со мною об этом.

Городулин . Виноват, забыл.

Турусина . Пусть я ошибаюсь в людях. Пусть меня обманывают. Но помогать людям, хлопотать о несчастных — для меня единственное блаженство.

Городулин . Блаженство — дело не шуточное. Нынче так редко можно встретить блаженного человека.

Григорий входит.

Григорий . Блаженный человек пришел.

Городулин . Неужели?

Турусина . Кто он такой?

Григорий . Надо полагать, из азиатцев-с.

Городулин . И я тоже полагаю.

Турусина . Почему ты думаешь, что азиатец?

Григорий . Уж очень страшен-с. Так даже жутко глядеть-с. Ежели сударыня, к вечеру, не приведи господи!

Турусина . Как страшен? что за вздор!

Григорий . Такая свирепость необыкновенная-с. Оброс весь волосами, только одни глаза видны-с.

Турусина . Грек, должно быть.

Григорий . Не очень, чтобы грек-с, еще цветом не дошел. А как вот есть, венгерец-с.

Турусина . Какой венгерец? Что ты глупости говоришь!

Григорий . Вот что мышеловки продают.

Турусина . Принять его, накормить и спросить, не нужно ли чего ему.

Григорий . Его, я думаю, особенно-с...

Турусина . Ну, ступай, не рассуждай!

Григорий . Слушаю-с. (*Уходит.*)

Турусина . У меня к вам просьба, Иван Иванович.

Городулин . Весь в внимании.

Турусина . Я насчет Машеньки Нет ли у вас кого на примете?

Городулин . Жениха? Пощадите! Что за фантазия пришла вам просить меня! Ну, с какой стороны я похож на сваху московскую? Мое призвание — решить узы, а не связывать. Я противник всяких цепей, даже и супружеских.

Турусина . А сами носите.

Городулин . Оттого то я и не желаю их никакому лихому татарину.

Турусина . Кроме шуток, нет ли?

Городулин . Постойте, кого-то я на днях видел; так у него крупными буквами на лбу и написано: хороший жених. Вот так, того и гляди, что сию минуту женится на богатой невесте.

Турусина . Вспомните, вспомните.

Городулин . Да, да... Глумов.

Турусина . Хороший человек?

Городулин . Честный человек, я больше ничего не знаю. Кроме шуток, отличный человек.

Турусина . Постойте, как вы назвали? (*Вынимает бумагу из кармана.*)

Городулин . Глумов.

Турусина . Егор Дмитрич?

Городулин . Да.

Турусина . Вот и Крутицкий мне про него же говорил.

Городулин . Ну, значит, ему и быть, так у него на лбу, то есть на роду, написано. Прощайте. (*Кланяется и уходит.*)

Турусина . Что это за Глумов? В другой раз сегодня я слышу имя этого человека. И хотя я не верю ни Крутицкому, ни Городулину, но все-таки тут что-нибудь да есть, коли его хвалят люди совершенно противоположных убеждений. (*Звонит.*)

Входит Григорий.

Зови барышню и скажи, чтобы все шли сюда.

Григорий уходит.

Какая потеря для Москвы, что умер Иван Яковлич! Как легко и просто было жить в Москве при нем. Вот теперь я ночи не сплю, все думаю, как пристроить Машеньку: ну, ошибешься как-нибудь, на моей душе грех будет. А будь жив Иван Яковлич, мне бы и думать не о чем:

съездила, спросила — и покойна. Вот когда мы узнаем настоящую-то цену человеку, когда его нет! Не знаю, заменит ли его Манефа, а много и от нее сверхъестественного.

Входят Машенька, 1-я приживалка с колодой карт, которую держит перед собой, как книгу, 2-я приживалка, с собачкой на руках.

Явление четвертое

1-я приживалка садится у стола, 2-я приживалка садится на скамейке у ног Турусиной.

1-я приживалка . Прикажете разложить?

Турусина . Погоди! Ну, Машенька, я говорила о тебе и с Крутицким и с Городулиным.

Машенька *(с волнением)* . Говорите. Продолжайте. Я покорила вашей воле и теперь с трепетом жду решения.

Турусина . Они оба рекомендовали одного человека, точно сговорились.

Машенька . И прекрасно. Значит, человек достойный. Кто же он?

Турусина . Но я им не верю.

1-я приживалка . Прикажете?

Турусина . Гадай! правду ли они говорили? *(Машеньке.)* Я им не верю, они могут ошибаться.

Машенька . Почему же, ma tante?

Турусина . Они люди. *(2-й приживалке.)* Не урони собачку!

Машенька . Кому же вы поверите, ma tante? оракулу? Мне что-то страшно.

Турусина . Очень естественно. Так и надо, и должно быть страшно. Мы не можем, не должны без страха поднимать завесу будущего. Там, за этой завесой, и счастье, и несчастье, и жизнь, и смерть твоя.

Машенька . Кто же нам приподнимет завесу?

Турусина . Тот, кто имеет власть.

Входит Григорий.

Григорий . Манефа-с.

Турусина . Вот кто! *(Встает, идет навстречу Манефе, и все за ней)* .

Входит Манефа.

Явление пятое

Те же и Манефа.

Турусина . Милости просим, пожалуйста!

Манефа . И то иду! Пошла шабала и пришла шабала.

1-я приживалка *(с умилением)* . Ох, батюшки мои!

Турусина *(грозно)* . Молчи!

Манефа *(сядась)* . Пришла да села, как квашня.

2-я приживалка *(со вздохом)* . О, о, о, ох! Ах, премудрость!

1-я приживалка . Привел господь, дожили!

Манефа *(тише)* . Что вы бельмы-то выпучили?

Турусина . Очень рады, что сподобились видеть тебя.

1-я приживалка . Ох, сподобились!

2-я приживалка . Все сподобились.

Турусина . Ждем! что скажешь, мати Манефа.

Манефа . Ждем! ждали в сапогах, а приехали в лаптях.

1-я приживалка . Батюшки, батюшки! Запоминайте, запоминайте хорошенько!

Турусина . Я хотела спросить тебя...

Манефа . Не спрашивай, вперед знаю. Знайка бежит, а незнайка лежит. Девкой меньше, так бабой больше.

2-я приживалка . Так, так, так!

Турусина . Нам человека-то знать нужно. Не скажешь ли чего рабе Марии? Может быть, во сне или в видении тебе...

Манефа . Было видение, было. Идет Егор с высоких гор.

2-я приживалка . Скажите! Егор!

Машенька (*тихо Турусиной*) . Ведь и Курчаев Егор.

Турусина . Погоди. Кто же он такой?

Манефа . А я почему знаю? Увидишь, так узнаешь!

Турусина . Когда же мы его увидим?

Манефа . Желанный гость зову не ждет.

1-я приживалка . Замечайте! Замечайте!

Турусина . Ты нам хоть приметы скажи.

2-я приживалка . Первое дело: надо спросить, волосом каков. Всегда так спрашивают, как это вы не знаете!

Турусина . Ну, уж ты молчи! Волосом каков?

Манефа . К кому бедокур, а к вам белокур.

Машенька . Белокурый. Ведь и Курчаев белокурый. Может быть, он.

Турусина . Да ведь ты слышала — видение было. Разве может гусар благочестивым людям в видениях являться? Какая ты легкомысленная!

1-я приживалка . Ах, даже удивительно! И по картам выходит Егор.

Турусина . Что ты мелешь! Как ты по картам имя увидела?

1-я приживалка . Тьфу ты! Обмолвилась. Язык-то наш... то есть белокурый по картам-то.

Турусина (*Манефе*) . Тебе все известно, а мы грешные люди, мы в сомнении. Егоров много и белокурых тоже довольно.

Манефа . Чуж чуженин далеко, а суженый у ворот.

Турусина и прочие . У ворот?

Манефа . Сряжайтесь, собирайтесь, гости будут.

Турусина . Когда?

Манефа . В сей час, в сей миг.

Все обращаются к дверям. Входит Григорий.

Приехали с орехами. (*Встает.*)

Григорий . Нил Федосеич Мамаев.

Турусина . Один?

Григорий . С ними молодой барин, такой белокурый.

1-я приживалка . Ах! Будем ли мы живы?

2-я приживалка . Не во сне ли мы все это видели?

Турусина . Проси! (*Обнимая Машеньку.*) Ну, Машенька, услышаны мои молитвы! (*Садится, нюхает спирт.*)

Машенька . Это так необыкновенно, ma tante, я вся дрожу.

Турусина . Поди, успокойся, друг мой: ты после выйдешь.

Машенька уходит.

Манефа . Конец — всему делу венец. (*Идет к двери.*)

Турусина (*приживалкам*) . Возьмите ее под руки, да чаю ей, чаю.

Манефа . Кто пьет чай, тот отчаянный.

Турусина . Ну, чего только ей угодно.

Приживалки берут под руки Манефу и идут к двери: в дверях останавливаются.

1-я приживалка . Одним бы глазком взглянуть.

2-я приживалка . Умрешь, таких чудес не увидишь.

Входят Мамаев и Глумов.

Явление шестое

Турусина, Мамаев, Глумов, Манефа и приживалки.

Мамаев . Софья Игнатьевна, позвольте представить вам моего племянника, Егора Дмитриевича Глумова.

Приживалки (*в дверях*) . Ах, Егор! Ах, белокурый!

Мамаев . Полюбите его.

Турусина (*встает*) . Благодарю вас! Я полюблю его, как родного сына.

Глумов почтительно целует ей руку.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Сцена первая

ЛИЦА:

Крутицкий.

Глумов.

Мамаева.

Человек Крутицкого.

Приемная у Крутицкого. Дверь выходная, дверь направо в кабинет, налево — в гостиную. Стол и один стул.

Явление первое

Входит Глумов, человек у двери, потом Крутицкий.

Глумов . Доложи!

Человек (*заглядывая в дверь кабинета*) . Сейчас выдут-с!

Выходит Крутицкий. Человек уходит.

Крутицкий (*кивая головой*) . Готово?

Глумов . Готово, ваше превосходительство. (*Подает тетрадь.*)

Крутицкий (*берет тетрадь*) . Четко, красиво, отлично. Bravo, bravo! Тракта́т, отчего же не проже́кт?

Глумов . Проже́кт, ваше превосходительство, когда что-нибудь предлагается новое; у вашего превосходительства, напротив, все новое отвергается... (*с заискивающей улыбкой*) и совершенно справедливо, ваше превосходительство.

Крутицкий . Так вы думаете, трактат?

Глумов . Тракта́т лучше-с.

Крутицкий . Тракта́т? Да, ну пожалуй. «Тракта́т о вреде реформ вообще». «Вообще»-то не лишнее ли?

Глумов . Это главная мысль вашего превосходительства, что все реформы вообще вредны.

Крутицкий . Да, коренные, решительные; но если неважное что-нибудь изменить, улучшить, я против этого ничего не говорю.

Глумов . В таком случае это будут не реформы, а поправки, починки.

Крутицкий (*ударяя себя карандашом по лбу*) . Да, так, правда! Умно, умно! У вас есть тут, молодой человек, есть. Очень рад; старайтесь!

Глумов . Покорнейше благодарю, ваше превосходительство.

Крутицкий (*надевая очки*) . Пойдем далее! Любопытствую знать, как вы начинаете экспликацию моей главной цели. «Артикул 1-й. Всякая реформа вредна уже по своей сущности. Что заключает в себе реформа? Реформа заключает в себе два действия: 1) отмену старого и 2) поставление на место оно́го чего-либо нового. Какое из сих действий вредно? И то и другое одинаково: 1-е) отменяя старое, мы даем простор опасной пытливости ума проникать причины, почему то или другое отменяется, и составлять таковы́е умозаключения: отменяется нечто непригодное; такое-то учреждение отменяется, значит, оно непригодно. А сего быть не должно, ибо сим возбуждается свободомыслие и делается как бы вызов обсуждать то, что обсуждению не подлежит». Складно, толково.

Глумов . И совершенно справедливо.

Крутицкий (*читает*) . «2-е) поставляя новое, мы делаем как бы уступку так называемому духу времени, который есть не что иное, как измышление праздных умов». Ясно изложено. Надеюсь, будет понятно для всякого; так сказать, популярно.

Глумов . Мудрено излагать софизмы, а неопровержимые истины...

Крутицкий . Вы думаете, что это неопровержимые истины?

Глумов . Совершенно убежден, ваше превосходительство.

Крутицкий (*оглядывается*) . Что это они другого стула не ставят?

Глумов . Ничего-с, я и постою, ваше превосходительство.

Крутицкий . Конечно, нельзя всякому дозволить: другой, пожалуй, рассядется... магазинщик со счетом, или портной приедет...

Глумов . Не извольте беспокоиться, ваше превосходительство. Я должен буду просить извинения у вашего превосходительства.

Крутицкий . Что такое, мой любезный, что такое?

Глумов . В вашем трактате некоторые слова и выражения оставлены мной без всякого изменения.

Крутицкий . Почему?

Глумов . Слаб современный язык для выражения всей грациозности ваших мыслей.

Крутицкий . Например?

Глумов . В двадцать пятом артикуле, о положении мелких чиновников в присутственных местах...

Крутицкий . Ну?

Глумов . Вашим превосходительством весьма сильно выражена прекрасная мысль о том, что не следует увеличивать содержание чиновникам и вообще улучшать их положение, что, напротив, надобно значительное увеличение жалованья председателям и членам.

Крутицкий . Не помню. *(Перелистывает тетрадь.)*

Глумов . Я, ваше превосходительство, помню наизусть, да не только этот параграф, а весь трактат.

Крутицкий . Верю, но удивляюсь. Для чего?

Глумов . У меня ведь целая жизнь впереди; нужно запастись мудростию; не часто может представиться такой случай; а если представится, так надо им пользоваться. Не из журналов же учиться уму-разуму.

Крутицкий . Еще бы!

Глумов . Молодому человеку и свихнуться не трудно.

Крутицкий . Похвально, похвально. Приятно видеть такой образ мыслей в молодом человеке. Что там ни толкуй, а благонамеренность хорошее дело.

Глумов . Первое, ваше превосходительство.

Крутицкий . Ну, так что ж у меня там, в двадцать пятом артикуле?

Глумов . Артикул двадцать пятый. «Увеличение окладов в присутственных местах, если почему-либо таковое потребует, должно быть производимо с крайней осмотрительностию, и то только председателям и членам присутствия, а отнюдь не младшим чиновникам. Увеличение окладов старшим может быть произведено на тот конец, дабы сии наружным блеском поддерживали величие власти, которое должно быть ей присуще. Подчиненный же сытый и довольный получает несвойственные его положению осанистость и самоуважение, тогда как, для успешного и стройного течения дел, подчиненный должен быть робок и постоянно трепетен».

Крутицкий . Да, так, верно, верно!

Глумов . Вот слово: «трепетен», ваше превосходительство, меня очаровало совершенно.

Крутицкий *(погрузившись в чтение, изредка взглядывает на Глумова. Как бы мельком)* . Коли куришь, так кури. Спички на камине.

Глумов . Я не курю, ваше превосходительство. А впрочем, как прикажете?

Крутицкий . Вот еще! Мне-то какое дело! Дядя не видал твоей работы?

Глумов . Как можно! Как же бы я осмелился!

Крутицкий . Ну, то-то же. Он только говорит, что умен, а ведь он болван совершенный.

Глумов . Не смею спорить с вашим превосходительством.

Крутицкий . Он только других учит, а сам попробуй написать, вот мы и увидим. А жена тоже ведь дура замечательная.

Глумов . Не заступлюсь и за нее.

Крутицкий . Как ты с ними уживаешься, не понимаю.

Глумов . Нужда, ваше превосходительство.

Крутицкий . Ты служишь?

Глумов . Поступаю. По протекции тетушки Иван Иваныч Городулин обещал достать место.

Крутицкий . Вот еще нашли человека. Определит он тебя. Ты ищи прочного места; а эти все городулинские-то места скоро опять закроются, вот увидишь. Он у нас считается человеком опасным. Ты это заметь.

Глумов . Я не по новым учреждениям...

Крутицкий . Да, да. А уж я думал... Ну, что ж, поступай. Без службы болтаться хуже. Потом, если хочешь, я тебе могу письма дать в Петербург — перейдешь; там служить виднее. У тебя прошедшее-то хорошо, чисто совершенно? Тебя можно рекомендовать?

Глумов . Я ленив был учиться, ваше превосходительство.

Крутицкий . Ну, что ж, это не важно. Очень-то заучишься, так оно, пожалуй, и хуже. Нет ли чего важнее?

Глумов . Мне совестно признаться перед вашим превосходительством.

Крутицкий (с серьезным видом) . Что такое? Уж ты лучше говори прямо.

Глумов . В молодости грешки, увлечения...

Крутицкий . Говори, не бойся.

Глумов . В студенческой жизни, ваше превосходительство... только я больше старых обычаев придерживался.

Крутицкий . Каких старых обычаев? Что ты, раскольник, что ли?

Глумов . То есть не так вел себя, как нынешние студенты.

Крутицкий . А как же?

Глумов . Покучивал, ваше превосходительство; случались кой-какие истории не в указные часы, небольшие стычки с полицией.

Крутицкий . И только?

Глумов . Больше ничего, ваше превосходительство. Сохрани меня Бог! сохрани Бог!

Крутицкий . Что ж, это даже очень хорошо. Так и должно быть. В молодых летах надо пить, кутить. Чего тут стыдиться? Ведь ты не барышня. Ну, так, значит, я на твой счет совершенно покоен. Я не люблю оставаться неблагодарным. Ты мне с первого раза понравился, я уж за тебя замолвил в одном доме словечко.

Глумов . Мне сказывала Софья Игнатьевна. Я не нахожу слов благодарить ваше превосходительство.

Крутицкий . Ты присватался, что ли? Тут ведь куш очень порядочный.

Глумов . Я на деньги глуп, ваше превосходительство; девушка очень хороша.

Крутицкий . Ну, не умею тебе сказать. Они, брат, все одинаковы; вот тетка, знаю, что ханжа.

Глумов . Любовь нынче не признают, ваше превосходительство: я знаю по себе, какое это великое чувство.

Крутицкий . Пожалуй, не признавай, никому от того ни тепло, ни холодно; а как заберет, так скажешься. Со мной было в Бессарабии, лет сорок тому назад: я было умер от любви. Что ты смотришь на меня?

Глумов . Скажите, пожалуйста, ваше превосходительство!

Крутицкий . Горячка сделалась. Вот ты и не признавай. Ну, что ж, давай бог, давай тебе бог! Я очень рад. Будешь капиталистом, найдем тебе место видное, покойное. Нам такие люди нужны. Ты ведь будешь из наших? Нам теперь поддержка нужна, а то молокососы одолевать начали. Но, однако, мой милый, сколько же я тебе должен за твой труд?

Глумов . Не обижайте, ваше превосходительство!

Крутицкий . Ты меня не обижай!

Глумов . Если уж хотите вознаградить меня, так осчастливьте, ваше превосходительство!

Крутицкий . Что такое? В чем дело?

Глумов . Брак — такое дело великое, такой важный шаг в жизни... не откажитесь!..

благословение такого высокодобродетельного лица будет служить залогом... уже знакомство с особой вашего превосходительства есть счастье, а в некотором роде родство, хотя и духовное, это даже и для будущих детей.

Крутицкий . В посаженные отцы, что ли? Я что-то не пойму.

Глумов . Осчастливьте, ваше превосходительство!

Крутицкий . Изволь, изволь! Ты бы так и говорил. Это дело не мудреное.

Глумов . Я передам и Софье Игнатьевне.

Крутицкий . Передавай, пожалуйста.

Глумов . Я не нужен вашему превосходительству?

Крутицкий . Нет.

Глумов . Честь имею кланяться.

Крутицкий . О моем маранье молчи. Оно скоро будет напечатано, без моего имени, разумеется; один редактор просил; он, хотя это довольно странно, очень порядочный человек, пишет так учтиво: ваше превосходительство, осчастливьте, ну и прочее. Коли будет разговор о том, кто писал, будто ты не знаешь.

Глумов . Слушаю, ваше превосходительство! (*Кланяется и уходит.*)

Крутицкий . Прощай, мой любезный! Что уж очень бранят молодежь! Вот, значит, есть же и из них: и с умом, и с сердцем малый. Он лъстив и как будто немного подленек; ну, да вот оперится, так это, может быть, пройдет. Если эта подлость в душе, так нехорошо, а если только в манерах, так большой беды нет; с деньгами и с чинами это постепенно исчезает. Родители, должно быть, были бедные, а мать попрошайка: «У того ручку поцелуй, у другого поцелуй»; ну, вот оно и въелось. Впрочем, это все-таки лучше, чем грубость.

Входит человек.

Человек . Госпожа Мамаева! Они в гостиной-с. Я докладывал, что ее превосходительства дома нет-с.

Мамаева (*за дверью*) . Не помешаю?

Крутицкий . Нет, нет! (*Человеку.*) Поддай кресло!

Человек уходит, возвращается с креслом. Входит Мамаева.

Явление второе

Крутицкий и Мамаева.

Мамаева . Будет вам делами-то заниматься! Что бы с молодыми дамами полюбезничать! А то сидит в своем кабинете! Такой нелюбезный старичок!

Крутицкий . Где уж мне! Был конь, да уездился! Хе-хе-хе! Пора и молодым дорогу дать.

Мамаева (*сядась*) . Нынче и молодежь-то хуже стариков.

Крутицкий . Жалуетесь?

Мамаева . Разве не правда?

Крутицкий . Правда, правда. Никакой поэзии нет, никаких благородных чувств. Я думаю, это оттого, что на театре трагедий не дают. Возобновить бы Озерова, вот молодежь-то бы и набиралась этих деликатных, тонких чувств. Да чаще давать трагедии, через день. Ну, и Сумарокова тоже. У меня прожект написан об улучшении нравственности в молодом поколении. Для дворян трагедии Озерова, для простого народа продажу сбитня дозволить. Мы, бывало, все трагедии наизусть знали, а нынче скромно! Они и по книге-то прочесть не умеют. Вот оттого в нас и рыцарство было, и честность, а теперь одни деньги. (*Декламирует.*)

Мне ждать ли, чтоб судьба прервала дней течение,
Когда к страданию даны мне грустны дни?
Прерву.

Помните?

Мамаева . Ну, как же не помнить! Ведь, чай, этому лет пятьдесят — не больше, так как же мне не помнить!

Крутицкий . Извините, извините! Я считаю вас моей ровесницей. Ах, я и забыл вам сказать! Я вашим родственником очень доволен. Прекрасный молодой человек.

Мамаева . Не правда ли, мил?

Крутицкий . Да, да. Ведь уж и вы его балуете.

Мамаева . Да чем же?

Крутицкий . Позвольте, вспомнил еще. (*Декламирует.*)

О боги! Не прошу от вас речей искусства;

Но дайте ныне мне язык души и чувства!

Очаровательно!

Мамаева . Чем же балуем?

Крутицкий . Ну, да как же! жените. Какую невесту нашли...

Мамаева (*с испугом*) . Какую? Вы ошибаетесь.

Крутицкий (*декламирует*) .

О мать, слезный ток, коль можно, осуши!

А ты, сестра, умерь уныние души!

Мамаева . На ком же, на ком?

Крутицкий . Да, боже мой! На Турусиной. Будто не знаете? Двести тысяч приданого.

Мамаева (*встает*) . Не может быть, не может быть, я говорю вам.

Крутицкий (*декламирует*) .

При вести таковой задумчив пребываешь;

Вздыханья тяжкие в груди своей скрываешь,

И горечь мрачная в чертах твоих видна!

Мамаева . Ах, вы надоели мне с вашими стихами!

Крутицкий . Но он, кажется, парень с сердцем. Вы, говорит, ваше превосходительство, не подумайте, что я из-за денег. Звал меня в посаженные отцы: сделайте, говорит, честь. Ну, что ж не сделать! Я, говорит, не из приданого; мне, говорит, девушка нравится. Ангел, ангел, говорит, и так с чувством говорит. Ну, что ж, прекрасно! Дай ему бог. Нет, а вы возьмите, вот в «Донском». (*Декламирует.*)

Когда россиянин решится слово дать,

То без стыда ему не может изменять.

Мамаева . Ой!

Крутицкий . Что с вами?

Мамаева . Мигрень. Ах, я больна совсем!

Крутицкий . Ну, ничего. Пройдет. (*Декламирует.*)

Ты знаешь, что союз сей верен до того...

Мамаева . Ах, подите вы! Скажите вашей жене, что я хотела ее подождать, да не могу, очень дурно себя чувствую. Ах! Прощайте!

Крутицкий . Да ничего. Что вы? У вас вид такой здоровый. (*Декламирует.*)

Чтоб при сопернице в измене обличить

И ревностью его веселье отравить...

Мамаева . Прощайте, прощайте! (*Быстро уходит.*)

Крутицкий . Что ее кольнуло? Поди вот с бабами! Хуже, чем дивизией командовать. (*Берет тетрадь.*) Заняться на досуге. Никого не принимать. (*Уходит в кабинет.*)

Сцена вторая

ЛИЦА:

Глумов.
Глумова.
Мамаева.
Голутвин.

Комната первого действия.

Явление первое

Глумов выходит из боковой двери с дневником, потом Глумова.

Глумов . Насилу кончил. Интересный разговор с Крутицким записан весь. Любопытный памятник для потомства! Чего стоило весь этот вздор запомнить! Я, кажется, в разговоре с ним пересолил немного. Еще молод, увлекаюсь, увлекаюсь. Ну, да это не мешает, кашу маслом не испортишь. Вот дядюшка у меня прелесть! Сам научил за женой ухаживать. И тут я увлекся. Это дело уж не шуточное! Тут надо держать ухо востро. Как мы от нее ни скрываем наше сватовство, а все же узнает; пожалуй, и помешает, хоть не из любви, так из ревности; женщины завистливы, любить-то не всякая умеет, а ревновать-то всякая мастерица.

Входит Глумова.

Маменька, вы к Турусиной?

Глумова . К Турусиной.

Глумов (*глядя на часы и строго*) . Вы немного поздно, маменька! Туда надо с утра идти. И каждый день, каждый день. Так и живите там.

Глумова . Можно и надоесть.

Глумов . Ну, да уж что делать. Сойдитесь с прислугой, с гадальщицами с странницами, с приживалками; не жалеете для них никаких подарков. Зайдите теперь в город, купите две табакерки серебряных, небольших. Все эти приживалки табак нюхают зло и очень любят подарки.

Глумова . Хорошо, хорошо!

Глумов . Главное, блюдите все входы и выходы. Чтоб ничто сомнительное ни под каким видом не могло проникнуть в дом. Для этого ублажайте прислугу: у прислуги чутье хорошее. Ну, прощайте! Торопите, чтоб поскорее парадный сговор.

Глумов . Говорят, ближе, как через неделю, нельзя. (*Уходит.*)

Глумов . Ух, долго! Измучаешься. Богатство само прямо в руки плывет; прозевать такой случай будет жалко, но грех непростительный.

Садится к столу.

Что-то я хотел добавить в дневник? Да расход записать. (*Записывает.*) Две табакерки приживалкам. (*Заслыша стук экипажа, подходит к окну.*) Это кто? Клеопатра Львовна. Что за чудо! Знает она или не знает? Сейчас увидим.

Явление второе

Глумов и Мамаева.

Глумов . Мог ли я ожидать такого счастья! Если бы все олимпийские боги сошли с неба...

Мамаева . Не горячитесь, я не к вам: я зашла вашу матушку навестить.

Глумов (*про себя*) . Не знает. (*Громко.*) Она только вышла перед вами.

Мамаева . Жаль!

Глумов (*подавая стул*) . Присядьте! Осчастливьте мою хату, осветите ее своим блеском.

Мамаева (*сидясь*) . Да, мы счастливим, а нас делают несчастными.

Глумов . Несчастными! Да вы знаете ли, какое это преступление? Даже огорчить-то вас чем-нибудь, и то надо иметь черную душу и зверское сердце.

Мамаева . Черную душу и зверское сердце! Да, вы правду говорите.

Глумов . Ни черной души, ни зверского сердца у меня нет, значит...

Мамаева . Что «значит»?

Глумов . Значит, я и не огорчу вас ничем.

Мамаева . Верить прикажете?

Глумов . Верьте!

Мамаева . Будем верить.

Глумов (*про себя*) . Не знает. (*Громко.*) Как мне огорчить вас! Я, страстный, робкий юноша, давно искал привязанности, давно искал теплого женского сердца, душа моя ныла в одиночестве. С трепетом сердца, с страшной тоской я искал глазами ту женщину, которая бы позволила мне быть ее рабом. Я бы назвал ее своей богиней, отдал ей всю жизнь, все свои мечты и надежды. Но я был беден, незначителен, и от меня отворачивались. Мои мольбы, мои вздохи пропадали, гасли даром. И вот явились передо мною вы, сердце мое забилося сильней прежнего: но вы не были жестокой красавицей, вы не оттолкнули меня, вы снизили к несчастному страдальцу, вы согрели бедное сердце взаимностью, и я счастлив, счастлив, бесконечно счастлив! (*Целует руку.*)

Мамаева . Вы женитесь?

Глумов . Как! Нет... да... но!

Мамаева . Вы женитесь?

Глумов . То есть ваш муж хочет женить меня, а я не думал. Да я и не расположен совсем и не желаю.

Мамаева . Как он вас любит, однако! Против воли хочет сделать счастливым!

Глумов . Он хочет женить меня на деньгах. Не все же мне быть бедным писарьком, пора мне быть самостоятельным человеком, иметь значение. Очень естественно, он хочет мне добра; жаль только, что не справился о моих чувствах.

Мамаева . На деньгах? А невеста вам не нравится?

Глумов . Конечно, не нравится. Да разве может...

Мамаева . Так вы ее не любите?

Глумов . Да могу ли я! Кого же я буду обманывать: ее или вас?

Мамаева . Может быть, обеих.

Глумов . За что вы меня мучаете подозрениями? Нет, я вижу, это надо кончить.

Мамаева . Как кончить?

Глумов . Пусть дядюшка сердится, как хочет, я скажу ему решительно, что не хочу жениться.

Мамаева . Правда?

Глумов . Сегодня же скажу.

Мамаева . И прекрасно. Без любви что за брак!

Глумов . И вы могли подумать! И вам не совестно?

Мамаева . Теперь, когда я вижу такое бескорыстие, разумеется, совестно.

Глумов (*с жаром*) . Я ваш, ваш, всегда ваш! Только уж вы ни слова: ни дядюшке, никому, я сам все устрою. А то вы себя выдадите.

Мамаева . Конечно, конечно.

Глумов . Вот что значит застенчивость! Я боялся сказать прямо дядюшке, что не хочу жениться, отделялся полусловом: посмотрим, увидим, к чему спешить? А вот что из этого вышло! Я дал повод подозревать себя в низости. *(Звонок.)* Кто это? Вот очень нужно! *(Идет к дверям.)*

Мамаева *(про себя.)* Он меня обманывает. Это ясно. Ему хочется успокоить меня, чтоб я не мешала.

Глумов . Клеопатра Львовна, войдите в маменькину комнату, кто-то пришел ко мне.

Мамаева уходит. Входит Голутвин.

Явление третье

Глумов и Голутвин.

Глумов *(пристально глядя на Голутвина)* . Ну-с?

Голутвин . Во-первых, так не принимают, а во-вторых, я устал, потому что на своих к вам. *(Садится.)*

Глумов . Что вам нужно от меня?

Голутвин . Пустяки. Минимум двадцать пять рублей; а больше сколько хотите, я не обижусь.

Глумов . Да, вот что! На бедность? Да кто же вам сказал, что я имею возможность давать такую щедрую милостыню?

Голутвин . Я не милостыню прошу, я за труд.

Глумов . За какой?

Голутвин . Я ходил за вами, наблюдал, собирал сведения, черты из жизни вашей, написал вашу биографию и приложил портрет. В особенности живо изобразил последнюю вашу деятельность. Так не угодно ли вам купить у меня оригинал, а то я продам в журнал. Вы видите, я прошу недорого, цену себя невысоко.

Глумов . Меня не испугаете. Печатайте! Кто вас читает?

Голутвин . Да ведь я и не тысячу рублей прошу. Я знаю, что большого вреда вам сделать не могу; ну, а все таки неприятность, скандальчик. Ведь лучше для вас, если б его не было совсем, ну, так и заплатите!

Глумов . Знаете, как называется ваш поступок?

Голутвин . Знаю. Уменье пользоваться обстоятельствами.

Глумов . Да честно ли это?

Голутвин . Вот этого не знаю. А все-таки, должно быть, честнее, чем посылать безымянные письма.

Глумов . Какие письма? Чем вы докажете?

Голутвин . Не горячитесь! Заплатите лучше; я вам советую.

Глумов . Ни копейки!

Голутвин . У вас теперь богатая невеста в виду. Что хорошего, прочитает. «Ах!» скажет... Не ссорьтесь со мной, заплатите! И мне-то хлеб, и вам покойнее. Право, дешево прошу.

Глумов . За что платить? Вы этак, пожалуй, повадитесь, в другой раз придете.

Голутвин . Честное слово. За кого вы меня принимаете?

Глумов *(указывая на дверь)* . Прощайте.

Голутвин . А то ведь в следующем номере.

Глумов . В каком хотите!

Голутвин . Пять рублей уступлю, деньги пустые.

Глумов . Пяти копеек не дам.

Голутвин . Ну, как хотите. Папироски нет у вас?

Глумов . Нет. Освободите меня от вашего посещения.

Голутвин . Сейчас. Отдохну немного.

Глумов . Вас Курчаев подослал?

Голутвин . Нет, мы с ним поругались. Он тоже гусь порядочный, вроде вас.

Глумов . Ну, довольно.

Голутвин (*встает и заглядывает в дверь*) . Что это у вас там?

Глумов . Что за низость! Убирайтесь!

Голутвин . Любопытно.

Глумов . Убирайтесь, говорю вам.

Голутвин (*уходя*) . Вы не умеете ценить чужого благородства оттого, что в вас своего нет.
(*Идет в переднюю.*)

Глумов . Вот еще принесло! Ну, да пусть печатает! (*Идет за Голутвиным.*)

Голутвин (*из двери*) . Два слова только.

Глумов уходит за ним в переднюю и затворяет дверь. Выходит Мамаева.

Явление четвертое

Мамаева одна, потом Глумов.

Мамаева . Никого нет. Куда же он делся? (*Подходит к столу*) . Это что? Дневник его. Ай, ай, как зло! Это ужасно! А вот о невесте! Я так и знала; он меня обманывает! Какой глупый человек! Ах, боже мой! Это про меня-то! Мне дурно, я падаю... Низкий, низкий человек!
(*Оттирает слезы. Подумавши.*) Вот мысль! Он никак не подумает на меня! (*Прячет дневник в карман и отходит от стола.*) О, как я могу его унижить! Как мне приятно будет видеть его унижение! Когда все отвернутся от него, бросят, выкинут его, как негодную вещь, какой кроткой овечкой он приползет ко мне.

Входит Глумов.

Глумов . Это уж из рук вон!

Мамаева . Кто был у вас?

Глумов . Таких людей нельзя пускать ни под каким видом. Написал ругательную статью на меня и пришел за деньгами, а то, говорит, напечатаю.

Мамаева . Что вы за ужасы говорите! Это те же брави². Кто он такой, я желаю знать?

Глумов . Зачем вам?

Мамаева . Ну, хоть для того, чтобы беречься его.

Глумов . Голутвин.

Мамаева . Где живет?

Глумов . Где день, где ночь. Адрес можно узнать в редакции. Да зачем вам?

Мамаева . А если кто меня обидит, вот и мщение! Другого нет у женщин; дуэли для нас не существуют.

Глумов . Вы шутите?

Мамаева . Конечно, шучу. Вы дали ему денег?

Глумов . Немного. Он ведь не дорог. Все-таки покойнее. Всякий скандал нехорош.

Мамаева . А если ему дадут больше?

Глумов . Кому же нужно! У меня врагов нет.

² Наемные убийцы (*фр.* bravi)

Мамаева . Значит, вы покойны. Ах, бедный! Как он вас расстроил! Так вы решительно отказываетесь от невесты?

Глумов . Решительно.

Мамаева . Да вы знаете ли, чего вы себя лишаете?

Глумов . Денег. Променяю ли я рай на деньги?

Мамаева . Да ведь много денег, двести тысяч.

Глумов . Знаю.

Мамаева . Кто же это делает?

Глумов . Тот, кто истинно любит.

Мамаева . Да ведь этого не бывает.

Глумов . Вот вам доказательство, что бывает.

Мамаева . Вы герой! Вы герой! Ваше имя будет записано в историю. Придите в мои объятия. *(Обнимает его.)* Ну, прощайте, душа моя! Жду вас сегодня вечером. *(Уходит.)*

Явление пятое

Глумов *(один)* . Ну, как гора с плеч! Пора к невесте. *(Берет шляпу и смотрится в зеркало.)* Разумеется, все это мелочи; но когда дело-то рискованное, так всего боишься. Прав-то у меня на эту невесту и, главное, на это приданое никаких. Все взято одной энергией. Целый замок висит на воздухе без фундамента. Все это может лопнуть и разлететься в прах каждую минуту. Поневоле будешь пуглив и осторожен. Ну, да теперь мне бояться нечего! Клеопатру Львовну успокоил. Голутвину заплачено. Пока я все уладил. *(Нараспев.)* Все уладил, все уладил. Я с этими хлопотами рассеян стал. Шляпа, перчатки... Где перчатки, где перчатки? Вот они. *(Подходит к столу.)* В этом кармане бумажник, в этом дневник. *(Не глядя, шарит рукой по столу, а другую опускает в задний карман.)* Платок здесь. *(Оборачивается к столу.)* Что такое? Где же? *(Открывает ящик.)* Куда я его засунул? Да что же это такое? Вот еще беда-то! Да нет, не может быть! Я его здесь положил. Я сейчас видел его. А-ах!.. Где же он? Нельзя, нельзя... *(Стоит молча.)* Падает, все падает... и я валюсь, в глубокую пропасть валюсь. Зачем я его завел? Что за подвиги в него записывал? Глупую, детскую злобу тешил. Нет, уж если такие дела делать, так нечего их записывать! Ну, вот и предоставил публике «Записки подлеца, им самим написанные». Да что же я сам-то себя ругаю! Меня еще будут ругать, все ругать. Кто же это? Он или она? Если он, я выкуплю; он на деньги пойдет; еще беда не велика. А если она? Ну, тут уж одно красноречие. Женское сердце мягко. Мягко-то оно мягко; зато уж ведь и злей-то женщины ничего на свете нет, если ее обидеть чувствительно. Страшно становится. Женщина отомстит ужасно, она может такую гадость придумать, что мужчине и в голову не придет. Ну, уж делать нечего! Бездействие хуже. Пойду прямо в пасть к гиене. *(Уходит.)*

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЛИЦА:

Турусина.

Машенька.

Мамаев.

Мамаева.

Крутицкий.

Городулин.

Глумов.

Курчаев.
Григорий.

Большая терраса на даче, прямо сад, по сторонам двери.

Явление первое

Курчаев и Машенька выходят из гостиной.

Курчаев . Как все это быстро сделалось.

Машенька . Я сама не понимаю. Тут или самая тонкая интрига, или...

Курчаев . Чудо, вы думаете?

Машенька . Я ничего не думаю; я просто голову потеряла.

Курчаев . Я его знаю давно и ничего особенного в нем не замечал; кажется, человек хороший.

Машенька . Он явился каким-то неотразимым. Все за него. Все знакомые тетушки рекомендуют прямо его, приживалки во сне его видят каждую ночь, станут на картах гадать — выходит он, гадалщицы указывают на него, странницы тоже: наконец Манефа, которую тетушка считает чуть не за святую, никогда не выдав его, описала наружность и предсказала минуту, когда мы его увидим. Какие же тут могут быть возражения? Судьба моя в руках тетушки, а она им совершенно очарована.

Курчаев . Значит, отдадут ему вас, отдадут деньги — добродетель награждается, порок наказан. С вашей стороны возражений нет, а про меня и говорить нечего: я должен в молчании удалиться. Еще с кем другим я бы поспорил, а перед добродетельным человеком я пас; я никогда этим не занимался.

Машенька . Тише! Они идут.

Явление второе

Те же, Турусина и Глумов. Турусина садится в кресло.

Глумов останавливается с левой стороны и кладет руку на спинку кресла. Курчаев стоит справа, несколько потупившись, в самой почтительной позе. Машенька у стола перелистывает книгу.

Глумов . Когда я почувствовал призвание к семейной жизни, я взглянул на это дело серьезно. Жениться для того, чтобы взять деньги, это не в моих правилах — это была бы торговая сделка, а не брак — установление священное! Жениться по любви... но ведь любовь чувство преходящее, плотское! Я понял, что в выборе подруги на всю жизнь должно быть нечто особое, нечто роковое для того, чтобы брак был крепок. Мне нужно было найти кроткое женское сердце, связать его с своим неразрывными узами; я говорю: судьба, укажи мне это сердце, и я покорюсь твоим велениям. Я вам признаюсь, я ждал чего-то чудесного! Чудесного много на свете, только мы не хотим заметить его.

Турусина . Я сама то же говорю, но не все верят. *(Взглядывает на Курчаева, тот шаркает ногой и кланяется.)*

Глумов . Я ждал чуда и дождался чуда.

Курчаев . Скажите! Дождались. Это чрезвычайно любопытно.

Глумов . Я поехал к одной благочестивой женщине.

Курчаев . Не к Манефе ли?

Глумов . Нет, к другой. Я Манефы не знаю. Только я вошел, не успел промолвить слова, она, даже не видя лица моего — она сидела ко мне задом, — заговорила: «Не ты невест ищешь, они тебя ищут. Ступай зажмурившись и найдешь». Куда идти, говорю, укажите мне! «Как войдешь, говорит, в первый незнакомый дом, где ты ни разу не бывал, там и ищи, там тебя знают!» Я, знаете ли, сначала удивился и как будто не совсем поверил. Поутру она мне это сказала, вечером дядюшка привез меня к вам. Тут есть невеста, и тут меня знают.

Турусина . Да, много чудесного, но мало избранных...

Курчаев . У нас тоже, когда мы стояли в Малороссии, был случай с одним евреем.

Турусина . Вы бы пошли по саду погуляли.

Курчаев шаркает ногой и кланяется.

Глумов . Не ясно ли тут предопределение! Я даже не успел еще хорошенько осведомиться о чувствах моей невесты... (*Машеньке.*) Извините, Марья Ивановна! Я довольствовался только ее согласием.

Турусина . Ничего больше и не нужно.

Глумов . Если я, может быть, не совсем нравлюсь теперь, так понравлюсь после. Такой брак должен быть счастлив и благополучен.

Курчаев . Непременно.

Глумов . В этом браке нет людского произвола; следовательно, нет и ошибки.

Турусина . Вот правила! Вот у кого надо учиться, как жить.

Входит Григорий.

Григорий . Иван Иванович Городулин.

Турусина . Я пойду, оденусь потеплее, здесь, сыро становится. (*Уходит.*)

Машенька (*Курчаеву*) . Пойдемте в сад.

Уходят в сад.

Входит Городулин.

Явление третье

Глумов и Городулин.

Городулин . Здравствуйте! Сколько вы денег берете?

Глумов . Кажется, двести тысяч.

Городулин . Как же вы это сделали?

Глумов . Да ведь вы же сами меня рекомендовали; мне Софья Игнатьевна сказывала.

Городулин . Когда же? Да, да, помню! Да как же вы поладили с Турусиной; ведь вы вольнодумец.

Глумов . Я с ней не спорю.

Городулин . А если она вздор говорит?

Глумов . Ее исправить невозможно. К чему же трудиться?

Городулин . Да, так вы вот как! Это хорошо. Вы теперь будете иметь состояние. Я вас в клуб запишу.

Глумов (*тихо*) . На днях будет напечатан «трактат» Крутицкого.

Городулин . Неужели? Вот бы его отделать хорошенько!

Глумов . Это очень легко.

Городулин . Еще бы, с вашими способностями. Но вам неловко, вы еще очень молодой человек, можете себе повредить. Вас надо будет выгородить. Вы напишите, а уж я, так и быть, пожертвую собой, выдам за свое. Надо их, старых, хорошенько.

Глумов . Надо, надо. Ведь только посмотрите, что пишут.

Городулин . Осмеять надо. Я бы и сам, да некогда. Очень рад вашему счастью. Поздравляю! Нам такие люди, как вы, нужны. Нужны. А то, признаться вам, чувствовался недостаток. Дельцы есть, а говорить некому, нападут старики врасплох. Ну, и беда. Есть умные из молодых людей, да очень молодые, в разговор пустить нельзя, с ними разговаривать не станут. Хор-то есть, да запевалы нет. Вы будете запевать, а мы вам подтягивать. Где Марья Ивановна?

Глумов . Вон, в саду гуляет.

Городулин . Пойду поболтать с ней. (*Идет в сад.*)

Глумов (*вслед*) . Я сейчас вас догоню. Кажется, Мамаевы приехали. Как я ее урезонил! Мало того что дала согласие на мой брак, но и сама приехала. Вот это мило с ее стороны.

Входит Мамаева.

Явление четвертое

Глумов и Мамаева.

Мамаева . Ну что, нашли?

Глумов . Нет. Голутвин клянется-божится, что не брал. Даже слезы на глазах у него показались. Я, говорит, без куска хлеба останусь, а такой гнусности не сделаю.

Мамаева . Кому же взять! Потеряли как-нибудь.

Глумов . И представить себе не могу.

Мамаева . Найдет кто-нибудь и бросит.

Глумов . Хорошо, как бросит.

Мамаева . А чего же вы боитесь, разве там было что-нибудь такое?

Глумов . Ничего особенного! Сердечные излияния, любовные заметки, страстные тирады, стишки: очи, кудри. Все то, что пишется про себя и что в чужих руках видеть стыдно.

Мамаева . Так у вас в дневнике очи да кудри? Ну, так не беспокойтесь, никто не обратит внимания. Таких дневников бездна. Что же вы здесь один? Где ваша невеста?

Глумов . Гуляет в саду с молодыми людьми. Вот вам доказательство, что я женюсь не по склонности. Мне нужны деньги, нужно положение в обществе. Не все же мне быть милым молодым человеком, пора быть милым мужчиной. Посмотрите, каким молодцом я буду, каких лошадей заведу. Теперь меня не замечают, а тогда все вдруг заговорят: «Ах, какой красавец появился!» — точно как будто я из Америки приехал. И все будут завидовать вам.

Мамаева . Отчего же мне?

Глумов . Оттого, что я ваш.

Мамаева . Да хорошо, если б можно было взять деньги без невесты, а то у вас будет молодая жена.

Глумов . Это не мешает. Я предложил руку невесте, карман для денег, а сердце остается вам.

Мамаева . Вы опасный человек, вас слушаешь, слушаешь, да, пожалуй, и поверишь.

Глумов . На каких рысках я буду подъезжать к вам!

Мамаева . Подъезжайте, подъезжайте! А теперь подите к невесте, нехорошо оставлять ее. Если она вам и не нравится, так вы хоть для виду, из приличия полюбезничайте с ней!

Глумов . Вот вы сами посылаете.

Мамаева . Ступайте, ступайте!

Глумов уходит.

Как он торжествует! погоди, мой друг, не рано ли ты вздумал радоваться!

Входит Курчаев .

Явление пятое

Мамаева и Курчаев.

Мамаева . Куда вы?

Курчаев . Домой-с.

Мамаева . Домой, такой печальный? погодите, я догадываюсь.

Курчаев кланяется.

Погодите! я вам говорю.

Курчаев кланяется.

Ах, какой противный. Подождите! я вам говорю. Мне вас нужно.

Курчаев кланяется и остается.

Вы влюблены?

Курчаев кланяется и хочет уйти.

Вы ничего не знаете?

Курчаев . Позвольте мне удалиться.

Мамаева . Я поеду домой рано одна, вы меня проводите.

Курчаев кланяется.

Что вы всегда молчите! послушайте. Будьте со мной откровенны: я приказываю вам, как тетка. Вы влюблены, я знаю. Она вас любит? Ну!

Курчаев кланяется.

Я уверена, что любит. Не теряйте надежды. Мало ли какие сюрпризы бывают.

Курчаев . Во всяком другом случае я мог бы...

Мамаева . А здесь что же?

Курчаев . Софья Игнатьевна заявляет такие требования...

Мамаева . Какие?

Курчаев . Я никак не мог ожидать этого. Притом же это несовместно с моею службой.

Мамаева . Что несовместно?

Курчаев . Я и воспитанием не подготовлен...

Мамаева . Я вас не понимаю.

Курчаев . Софья Игнатьевна ищет для племянницы...

Мамаева . Ну?

Курчаев . Мог ли я этого ожидать? это так редко бывает...

Мамаева . Что, что?

Курчаев . Я никогда и не слыхивал...

Мамаева . Да объяснитесь хорошенько.

Курчаев . Она ищет добродетельного человека.

Мамаева . Ну, так что ж?

Курчаев . Я никаких добродетелей не имею.

Мамаева . Как никаких? Что же, в вас только пороки?

Курчаев . Я и пороков не имею, я просто обыкновенный человек. Это странно искать добродетельного человека. Ну, не будь Глумова, где бы она взяла? во всей Москве только он один и есть. И чудеса с ним бывают, и видения он видит. Ну, позвольте вас спросить, как же можно этого требовать от всякого?

Мамаева . Погодите, погодите! Может быть, это еще и лучше не иметь добродетелей, но не иметь и пороков.

Входит из сада Машенька.

Явление шестое

Мамаева, Курчаев, Машенька, потом Турусина, Мамаев и Крутицкий.

Мамаева . Поздравляю вас! Вы с каждым днем все больше расцветаете. Очень рада вашему счастью.

Машенька . В господине Глумове так много хороших качеств, что мне становится страшно, я не считаю себя достойною такого мужа.

Мамаева . Где же и искать добродетелей, как не в вашем доме? Вы можете пользоваться и наставлением и примером от вашей тетушки.

Машенька . Я ей очень благодарна! Добродетельной быть действительно очень недурно, но из всех добродетелей я могу похвалиться только одною: послушанием.

Входят Турусина, Мамаев и Крутицкий.

Мамаев (*Крутицкому*) . В принципе я с вами согласен, но в подробностях нет.

Крутицкий . Да почему же?

Мамаев . Зачем непременно трагедия, отчего не комедия?

Крутицкий . А затем, что комедия изображает низкое, а трагедия высокое, а нам высокое-то и нужно.

Мамаев . Да, но позвольте! Рассмотрим этот предмет со всех сторон.

Отходят в глубину.

Турусина (*Мамаевой*) . У нас теперь принято не верить ничему, это в моде; только и слышишь, зачем вы пускаете к себе Манефу, она обманщица. Вот бы я и пригласила господ неверующих посмотреть, какая она обманщица. Я очень рада за нее, она теперь войдет в моду, получит большую практику. И мне Москва должна быть благодарна, что я нашла такую женщину, я этим много для Москвы сделала.

Мамаева . Но где же ваш жених? я его не вижу.

Турусина . Машенька, где Егор Дмитрич?

Машенька . Он в саду с Городулиным.

Турусина . По рекомендациям всех моих знакомых и по некоторым другим причинам, я уже ожидала, что встречу примерного молодого человека. Но когда я познакомилась с Егором Дмитричем покорооче, тут я увидела, что он превзошел все мои ожидания.

Мамаев (*подходя*) . Кто это превзошел все ожидания?

Турусина . Ваш племянник.

Мамаев . Я знал, что вы будете меня благодарить за него. Знаю, кому что нужно, знаю. Не стал сватать ему другую невесту, прямо к вам.

Турусина . Вам бы грешно было; вы знаете, я сирота.

Крутицкий . Да, Глумов может далеко пойти.

Мамаев . Разумеется, с нашей помощью.

Входит Григорий.

Турусина . И за что мне такое счастье? Разве за мои... (*Григорию.*) Что тебе? Разве за мои добрые дела?

Человек подает конверт.

Что это такое? (*Распечатывает.*) Какая-то газета! Должно быть, не ко мне.

Мамаева (*берет конверт*) . Нет, к вам. Вот видите, адрес.

Турусина . Это, должно быть, ошибка. Кто принес?

Григорий . Почтальон-с.

Турусина . Где он?

Григорий . Он давно ушел-с.

Мамаев . Дайте-ка сюда. Я вам разберу и объясню. (*Берет конверт и вынимает из него печатный лист.*) Во-первых, газета, да и не газета, а только один лист из газеты, одна статья.

Турусина . Но ведь это не из редакции?

Мамаев . Нет, кто-нибудь из знакомых прислал.

Турусина . Что же такое там?

Мамаев . А вот сейчас рассмотрим. Статья называется: «Как выходят в люди».

Турусина . Это до нас не касается. Бросьте.

Мамаев . Зачем же? Надо посмотреть. Вот и портрет с подписью: «Муж, каких мало». Ба, ба, ба! Да это Егор Дмитрич!

Мамаева . Покажите сюда, это интересно.

Мамаев отдает газету.

Турусина . Это какая-нибудь гнусная интрига, у него должно быть много врагов.

Мамаев косо взглядывает на Курчаева.

Курчаев . Вы не меня ли подозреваете? Я в живописи не мастер, только вас и умею рисовать.

Мамаев (*строго*) . Да, да... Я знаю.

Мамаева . Тот, кто писал эту статью, должен очень хорошо знать Егора Дмитрича; тут все малейшие подробности его жизни, если это только не выдумки.

Мамаев (*вынимает из конверта тетрадь*) . Вот еще что-то.

Крутицкий . Это его рука, я к ней пригляделся. Его, его! чем хотите отвечаю!

Мамаев . Да, это его рука, а вот подпись другой рукой: «В доказательство того, что все в статье справедливо, прилагается сей дневник». Что нам читать: статью или дневник?

Крутицкий . Лучше уж оригинал.

Мамаев . Начнем с той страницы, которая заложена закладкой. Тут счет. «Манефе двадцать пять рублей, ей же еще двадцать пять рублей... Дура набитая, а берется предсказывать! Учил, учил, насилу наладил. Ей же послано: бутылка рому. Ей же дано на дому у меня пятнадцать рублей... Очень неприятно, что таким прибыльным ремеслом занимаются глупые люди. Любопытно узнать, что она возьмет с Турусиной? спросить после! Двум приживалкам Турусиной за гаданье на картах и за рассказыванье снов, в которых они должны видеть каждый день меня, по семи рублей с полтиной и по серебряной табакерке, десять рублей за обе».

Туруси́на (*нюхая спирт*) . Всех прогоню, всех! Злой быть грешно и доброй глупо! Как жить после этого?

Мамаева . Не жалуйтесь, не вас одних обманывают.

Мамаев . «За три анонимных письма к Турусиной пятнадцать коп...»

Машенька . Так вот откуда письма-то, ma tante!

Туруси́на . Вижу, мой друг. Извини меня! Я очень дурно сделала, что взяла на себя заботу устроить твою судьбу; я вижу, что это мне и не по уму, и не по силам. Располагай собой как хочешь, я тебе мешать не буду.

Машенька (*тихо*) . Мой выбор уж сделан, ma tante.

Туруси́на . И прекрасно! В нем ты не обманешься, потому что он ничего хорошего и не обещает.

Курчаев кланяется.

А этих приживалок я прогоню непременно.

Крутицкий . И заведете себе других?

Туруси́на . Не знаю.

Мамаев . Прикажете продолжать?

Туруси́на . Уж теперь продолжайте, все равно.

Мамаев . «Человеку Мамаева, за то, что привез ко мне своего барина обманом, пользуясь его слабостью к отдающимся внаймы квартирам, — этому благодетелю моему три рубля.

Чувствую, что мало». Тут дальше разговор со мной, совсем не интересный. «Первый визит Крутицкому. Муза! Воспоем доблестного мужа и его прожекты. Нельзя довольно налюбоваться тобой, маститый старец! Поведай нам, поведай миру, как ты ухитрился, дожив до шестидесятилетнего возраста, сохранить во всей неприкосновенности ум шестилетнего ребенка?»

Крутицкий . Ну, довольно! это пашквиль... Кому приятно?..

Явление седьмое

Те же и Городулин, потом Глумов.

Мамаев (*не замечая Городулина*) . Позвольте, тут я вижу несколько слов о Городулине.

«Городулин в каком-то глупом споре о рысистых лошадях одним господинам назван либералом; он так этому названию обрадовался, что три дня по Москве ездил и всем рассказывал, что он либерал. Так теперь и числится». А ведь похоже!

Крутицкий . Похоже! Вы про себя-то прочтите, похоже ли написано.

Городулин . Вы находите, что похоже?

Мамаев . Ах, Иван Иванович! я вас и не приметил. Посмотрите, как нас тут расписали.

Городулин . Кто же этот современный Ювенал?

Мамаев . Мой племянник Глумов.

Туруси́на . Отдайте, Иван Иванович, эту рукопись автору и попросите его, чтобы он удалился незаметно.

Входит Глумов, Городулин почтительно подает ему дневник.

Глумов (*принимая дневник*) . Зачем же незаметно? Я ни объясняться, ни оправдываться не стану. Я только скажу вам, что вы сами скоро пожалеете, что удалили меня из вашего общества.

Крутицкий . Милостивый государь, наше общество состоит из честных людей.

Все . Да, да, да!

Глумов (*Крутицкому*) . А вы сами, ваше превосходительство, догадались, что я нечестный человек? Может быть, вы вашим проницательным умом убедились в моей нечестности тогда, как я взялся за отделку вашего трактата? Потому что какой же образованный человек возьмется за такую работу? Или вы увидели мою нечестность тогда, когда я в кабинете у вас раболепно восторгался самыми дикими вашими фразами и холопски унижался перед вами? Нет, вы тогда готовы были расцеловать меня. И не попадись вам этот несчастный дневник, вы долго, долго, всегда считали бы меня честным человеком.

Крутицкий . Оно конечно, но...

Глумов (*Мамаеву*) . Вы, дядюшка, тоже догадались сами, а? Не тогда ли, как вы меня учили льстить Крутицкому?.. Не тогда ли, как вы меня учили ухаживать за вашей женой, чтобы отвлечь ее от других поклонников, а я жеманился да отнекивался, что не умею, что мне совестно? Вы видели, что я притворяюсь, но вам было приятно, потому что я давал вам простор учить меня уму-разуму. Я давно, умнее вас, и вы это знаете, а когда я прикинусь дурачком и стану просить у вас разных советов, вы рады-радехоньки и готовы клясться, что я честнейший человек.

Мамаев . Ну, что нам с тобой считаться — мы свои люди.

Глумов . Вас, Софья Игнатьевна, я точно обманул, и перед вами я виноват, то есть не перед вами, а перед Марьей Ивановной, а вас обмануть не жаль. Вы берете с улицы какую-то полупьяную крестьянку и по ее слову послушно выбираете мужа для своей племянницы. Кого знает ваша Манефа, кого она может назвать? Разумеется, того, кто ей больше денег дает. Хорошо, что еще попался я, Манефа могла бы вам сосватать какого-нибудь беглого, и вы бы отдали, что и бывало.

Турусина . Я знаю одно, что на земле правды нет, и с каждым днем все больше в этом убеждаюсь.

Глумов . Ну, а вы, Иван Иванович?

Городулин . Я ни слова. Вы прелестнейший мужчина! Вот вам рука моя. И все, что вы говорили про нас, то есть про меня — про других я не знаю, — правда совершенная.

Глумов . Я вам нужен, господа. Без такого человека, как я, вам нельзя жить. Не я, так другой будет. Будет и хуже меня, и вы будете говорить: эх, этот хуже Глумова, а все-таки славный малый. (*Крутицкому.*) Вы, ваше превосходительство, в обществе человек, что называется, обходительный; но когда в кабинете с глазу на глаз с вами молодой человек стоит навтыяжку и, униженно поддакивая, после каждого слова говорит «ваше превосходительство», у вас по всем вашим членам разливается блаженство. Действительно честному человеку вы откажете в протекции, а за того поскачете хлопотать сломя голову.

Крутицкий . Вы слишком злоупотребляете нашею снисходительностью.

Глумов . Извините, ваше превосходительство! (*Мамаеву.*) Вам, дядюшка, я тоже нужен. Даже прислуга ни за какие деньги не соглашается слушать ваших наставлений, а я слушаю даром.

Мамаев . Довольно! Если ты не понимаешь, мой милый, что тебе здесь оставаться долее неприлично, так я тебе растолкую...

Глумов . Понимаю. И вам, Иван Иванович, я нужен.

Городулин . Нужен, нужен.

Глумов . И умных фраз позаимствоваться для спича...

Городулин . И умных фраз для спича.

Глумов . И критику вместе написать.

Городулин . И критику вместе написать..

Глумов . И вам, тетушка, нужен.

Мамаева . Я и не спорю, я вас и не виню ни в чем.

Крутицкий (*Мамаеву*) . Я, знаете ли, в нем сразу заметил...

Мамаев (*Крутицкому*) . И я сразу. В глазах было что-то.

Глумов . Ничего вы не заметили. Вас возмутил мой дневник. Как он попал к вам в руки — я не знаю. На всякого мудреца довольно простоты. Но знайте, господа, что, пока я был между вами, в вашем обществе, я только тогда и был честен, когда писал этот дневник. И всякий честный человек иначе к вам относиться не может. Вы подняли во мне всю желчь. Чем вы обиделись в моем дневнике? Что вы нашли в нем нового для себя? Вы сами то же постоянно говорите друг про друга, только не в глаза. Если б я сам прочел вам, каждому отдельно, то, что про других писано, вы бы мне аплодировали. Если кто имеет право обижаться, сердиться, выходить из себя, беситься, так это я. Не знаю кто, но кто-нибудь из вас, честных людей, украл мой дневник. Вы у меня разбили все: отняли деньги, отняли репутацию. Вы гоните меня и думаете, что это все — тем дело и кончится. Вы думаете, что я вам прощу. Нет, господа, горько вам достанется. Прощайте! (*Уходит.*)

Молчание.

Крутицкий . А ведь он все-таки, господа, что ни говори, деловой человек. Наказать его надо; но, я полагаю, через несколько времени можно его опять приласкать.

Городулин . Непременно.

Мамаев . Я согласен.

Мамаева . Уж это я возьму на себя.

КОММЕНТАРИИ

Впервые пьеса была опубликована в журнале «Отечественные записки», 1868, № 11.

Замысел комедии «На всякого мудреца довольно простоты» сложился у Островского летом 1868 г., писалась пьеса с конца августа 1868 г. В начале сентября этого года драматург сообщил Бурдину из Москвы: «Я как приехал, так сел за дело, теперь у меня пишется большая комедия „На всякого мудреца довольно простоты“, но ты помолчи пока; в сентябре я ее кончу и приеду в Петербург, тогда ты ее заявишь» (т. XIV, стр. 166). Бурдин боялся, что пьеса опоздает к его бенефису, и всячески торопил Островского; драматург отвечал 30 сентября Бурдину: «Сюжет так серьезен, что торопиться никак нельзя, особенно важен последний акт, который надо отделать хорошенько» (т. XIV, стр. 168).

Пьеса была окончена 7 октября того же года.

Социально-политическая острота комедии вызвала резкое недовольство консервативной общественности. Стремясь опорочить комедию, снизить ее идейно-художественное значение, консервативные критики писали о нетипичности, о грубой утрированности образов комедии, о водевильности многих ее ситуаций и композиционной бессвязности (В. П. Буренин (Z) — «Санкт-Петербургские ведомости», 1869, № 11, 11 января; Д. В. Аверкиев — «Голос», 1868, № 304, 3 ноября, и др.). Либеральная критика, не принимая сатирической направленности комедии, встретила ее также по преимуществу отрицательно (см., например, рецензию С. А. Венгерова (W), «Русский инвалид». 1868, № 301, 3 ноября).

Более благосклонно отозвалась о пьесе газета «Современная летопись». Ее рецензент (А. С.), не принимая резкой сатиры Островского, обвиняя драматурга в преувеличении и шаржировке, отмечал и достоинства пьесы, называл ее «капитальной», «исполненной современного интереса и несомненных литературных достоинств» («Современная летопись», 1868, № 39, 10 ноября). Фельетонист газеты «Новое время» (X) воспринял эту комедию как «длинный ряд картин,

обрисовывающих яркими красками известную среду нашего общества». В пьесе «что ни личность, то тип, который ежедневно встречается и сталкивается с нами в жизни. Вся пьеса — это едкая сатира на отживающее в России поколение». Недостатком пьесы он считал «отсутствие целостного содержания» («Новое время», 1868, № 222, 12 ноября). Такого же мнения был театральный обозреватель газеты «Петербургский листок». Комедия Островского, по его словам, «с весьма яркой стороны обрисовывает наше отживающее, а в сущности, весьма живущее и даже, так сказать, наследственное поколение... Грустную картину рисует нам наш сатирик, но картину верную, не преувеличенную» («Петербургский листок», 1868, № 157, 3 ноября).

Революционно-демократическая и демократическая общественность оценила комедию как подлинно художественное произведение, исполненное жизненной правды.

Н. А. Некрасов в письме к драматургу от 19 октября 1868 г. отметил в пьесе «задатки истинного комизма» (Н. А. Некрасов, Полн. собр. соч. и писем, т. XI, М. 1952, стр. 117). М. Е. Салтыков-Щедрин ввел Глумова в галерею действующих лиц своих произведений.

Демократические и наиболее левые либеральные критики отмечали жизненность, новизну, едкую сатиричность и типичность образов пьесы. Так, например, Е. И. Утин большим достоинством комедии считал то, что в ней показываються уже не купеческие, а дворянские круги и человек изображается не в его семейных взаимоотношениях, а в «сфере общественных отношений, в области, так сказать, политической жизни нации». В типах пьесы «со всею яркостью отражается картина современного общества». Но, признавая Глумова глубоко типическим лицом, критик считал «фальшиво взятым аккордом» проявление в нем честности и благородства, когда он в дневнике пишет «летопись людской пошлости» («Вестник Европы», 1860, № 1, стр. 326, 345, 346, 347).

А. С. Суворин (Незнакомец), бывший в эту пору прогрессивным журналистом «с симпатиями к Белинскому и Чернышевскому, с враждой к реакции» (В. И. Ленин, Сочинения, т. 18, стр. 250), заявлял, что комедия «На всякого мудреца довольно простоты» оставляет «далеко позади себя толпу драматических изделий других российских авторов». В этой комедии, по его мнению, «есть сцены, очень хорошо написанные, диалоги блестящие, часто дышащие остроумием... действие идет довольно живо и естественно». Но Суворин считал, что Островский показал консерваторов якобы слишком оглупленными, как «сонм дураков», и допустил просчет, поставив в центре пьесы Глумова, по его мнению, не являющегося типическим лицом («Санкт-Петербургские ведомости», 1868, № 301, 3 ноября).

Рецензент газеты «Биржевые ведомости» (М. Ф.) указывал на «типичность и рельефность» действующих лиц пьесы, отображающих «пустозвонов либералов, закоренелых ретроградов, ханжей и тому подобный современный люд, с которым мы встречаемся чуть ли не на каждом шагу». Признавая некоторую («местами») утрировку характеров, рецензент оправдывал ее: «Г-н Островский, желая написать сатиру — взял квинтэссенцию человеческих пороков, оттого многие личности, как, например, ретроград Крутицкий, кажутся как бы утрированными» («Биржевые ведомости», 1868, № 294, 5 ноября).

Отмечая большие идейные и художественные достоинства комедии, эти критики (Утин, Суворин, М. Ф.) вместе с тем выражали недовольство композицией пьесы, упрекали драматурга в искусственности интриги, в злоупотреблении водевильными приемами, случайностями.

Позднее, отвечая на упреки такого рода в адрес комедии, А. Кугель замечал: «Сравнительно малая популярность этой, быть может наиболее глубокой по замыслу, комедии Островского не указывает ли на непонимание формы этой пьесы?» («Театр и искусство», 1899, № 37, 12 сентября).

А Ю. Юрьев в 1910 г. писал, что комедия «На всякого мудреца довольно простоты» «дивная», «высокоталантливая вещь, содержащая целую галерею великолепнейших по жизненности фигур, написанная в форме блестящего диалога, буквально насыщенная юмором и остроумием». Он подчеркивал в ней «острую сатиру с весьма широким общественным захватом» («Рампа и жизнь», 1910, № 12, стр. 191).

16 октября 1868 г. комедия «На всякого мудреца довольно простоты» была разрешена драматической цензурой.

Первое представление ее состоялось 1 ноября 1868 г. на сцене Александринского театра (Петербург).

Удачным было исполнение роли Глумова дебютантом Н. В. Самойловым. Он естественно входил в тон любого своего собеседника, льстил ему и в то же время всегда сохранял чувство собственного превосходства и иронию, не замечаемые собеседником («Биржевые ведомости», 1868, № 294, 5 ноября. См. также «Новое время», 1868, № 222, 12 ноября).

Роль Городулина великолепно исполнял В. В. Самойлов. Самойлов «был до того хорош, — восхищался рецензент журнала „Вестник Европы“ (В. Т.), — когда он прикидывался Дон-Жуаном в разговоре с светскою женщиною и в либеральном разговоре с притворным либералом Глумовым, что можно было подумать, будто он копировал какое-нибудь действительное лицо. Простота, развязность, естественность, жизненность, приданная г. Самойловым изображаемому им типу, сделали то, что по нескольким словам г. Городулина мы узнали не только его настоящее, но и его прошедшее и будущее» («Вестник Европы», 1868, № 12, стр. 903).

Игра П. В. Васильева (Крутицкий) вызвала противоречивые отклики. Рецензент журнала «Вестник Европы» считал, что П. В. Васильев создал глубоко типический образ старого генерала отживающих времен; особенно же ему удалась сцена с Турусиной, в которой он из чиновника «всем и всеми недовольного», «негодующего на новые порядки» превращался в «сластолюбивого старика» (там же). Но Д. В. Аверкиев находил, что Васильеву не удалось представить в своей роли именно «важного барина» («Голос», 1868, № 304, 3 ноября).

Ю. Н. Линская, играя Глумову, создала «прекрасный тип умной старухи», заботящейся о карьере своего сына («Биржевые ведомости», 1868, № 294, 5 ноября). А. М. Читау великолепно показала светскую женщину. По отзыву рецензента газеты «Биржевые ведомости», Ф. А. Бурдин «был чрезвычайно прост и типичен» в роли Мамаева. Вполне удовлетворительно играли и другие участники спектакля: П. С. Степанов — Голутвин, П. К. Громова — Манежи, Е. Н. Жулева — Турусина, Малышева — Машенька, П. П. Пронский — Курчаев, П. А. Петровский — Григорий, Розенштрем — лакей Мамаева.

Театральная критика признала этот спектакль «превосходным», «довольно хорошо обставленным», «привлекающим массу публики», которая смотрит его «с истинным удовольствием» («Петербургский листок», 1868, № 157, 3 ноября; «Неделя», 1868, № 48; «Новое время», 1868, № 222, 12 ноября; «Сын отечества», 1868, № 260, 16 ноября). После спектакля Бурдин писал Островскому: «Скажу одно, артисты сделали свое дело (*вполне по совести*), пьеса очень понравилась, артистов и тебя вызывали бесчисленно, дебютант имел большой успех» («А. Н. Островский и Ф. А. Бурдин. Неизданные письма», М. — Пг. 1923, стр. 85).

6 ноября 1868 г. премьера комедии состоялась в московском Малом театре, в бенефис К. Г. Вильде.

В центре спектакля был С. В. Шумский. Он играл Крутицкого «военным генералом и придавал ему совершенно иной характер, чем петербургский исполнитель этой роли». У П. В. Васильева Крутицкий «выходил глуповатым, наполовину выжившим из ума. У Шумского он был генералом „не у дел“, глубоко убежденным в своей житейской мудрости и опытности. Его страсть к поучениям и проектам была не чудачеством ничем не занятого старика, а результатом глубокого убеждения в своей правоте, желанием направить всех на истинный путь... Такой Крутицкий был самым интересным лицом в пьесе» (Д. А. Коропчевский, «С. В. Шумский». «Ежегодник императорских театров», сезон 1895–1896 г., кн. 3, стр. 42–43).

Другие роли исполняли: К. Г. Вильде — Глумов, Х. И. Таланова — Глумова, П. М. Садовский — Мамаев, Н. А. Александров — Курчаев, В. А. Дмитриевский — Голутвин, С. П. Акимова — Манефа, Е. Н. Васильева — Мамаева, И. В. Самарин — Городулин, Н. М. Медведева —

Турусина, Г. Н. Федотова — Машенька, Д. В. Живокини — Григорий, А. А. Черневский — лакеи Мамаева.

«Пьеса моя прошла в Москве, — извещал Островский Бурдина, — с успехом небывалым» (т. XIV, стр. 170). О том же сообщала и пресса: «Публика приняла новую пьесу чрезвычайно благосклонно, неоднократно вызывали как автора, так и исполнителей» («Современная летопись», 1868, № 39, 10 ноября). Г. Н. Федотова, вспоминая этот спектакль, писала: «На первом представлении произошел небывалый случай. После монолога и ухода Глумова Островский был вызван несколько раз во время действия, при действующих лицах на сцене. Такого случая я больше в жизни не помню» («Русское слово», 1911, № 125, 2 июня).

В 1876 г. в Малом театре в роли Глумова выступил А. П. Ленский, создавший блестящий образ, воспоминания о котором живут в театральных преданиях и поныне. «Я никогда, — вспоминает Е. Д. Турчанинова, — не видела такой полноты раскрытия образа, начиная с первого момента. Глумов у него был умный, злой, иронический; он знал, с кем имел дело, знал, как надо с кем разговаривать, и все время вел свою линию. Это было совершенно изумительно» («Творческие беседы мастеров театра. А. А. Яблочкина, В. Н. Рыжова, Е. Д. Турчанинова», М. — Л. 1938, стр. 57).

Некоторые критики упрекали Островского за сходство обличительных монологов Глумова с монологами Чацкого. Ленский, играя роль Глумова, оправдывал это сходство. Его Глумов в завершающей сцене возвращал себе право бичевать отринувшее его общество. «И когда Глумов — Ленский уходил со сцены (всегда под гром рукоплесканий), становилось понятно, почему ошеломленные его речами Мамаевы и Крутицкие тут же решают, что дерзкого Глумова надобно вернуть и „приласкать“. Глумов, выпущенный на свободу из золотой клетки, Глумов, обретший вновь право на прямую речь, примется опять за свои эпиграммы, и эти новые эпиграммы будут куда опаснее прежних для всех этих Крутицких и Городулиных, нравы и характеры которых Глумов теперь так хорошо изучил. Мамаевым и всем прочим необходимо для собственной безопасности вернуть Глумова и вновь „приручить“ его в полу-Молчалина» (С. Н. Дурылин, «80 лет на сцене». А. Н. Островский. «„На всякого мудреца довольно простоты“ на сцене Малого театра», М. 1948, стр. 17).

При возобновлении комедии в Малом театре в 1886 г. оригинальные сценические образы создали О. О. Садовская в роли Глумовой, Н. А. Никулина в роли Мамаевой и М. П. Садовский и роли Голутвина. О. О. Садовская играла Глумову бывшей барыней, принужденной по нужде льстить Мамаевой. В исполнении Н. А. Никулиной Мамаева была женщиной «с большим, неугасающим темпераментом»; Глумов явился для нее находкой (там же, стр. 23). М. П. Садовский показывал в Голутвине ничтожного, дрянного, по голодного и жалкого человека. С 1875 по 1917 г. комедия «На всякого мудреца довольно простоты» прошла на сценах петербургских, московских и провинциальных театров 627 раз.

С огромным успехом она идет в советском театре, на столичной и периферийной сценах. Наиболее яркой постановкой пьесы «На всякого мудреца довольно простоты» в советском театре является постановка московского Малого театра 1935 г.

Лучшие дореволюционные спектакли были прекрасными образцами ансамбля, но в них «не было уловлено то салтыковское звучание, которое свойственно этой пьесе Островского и в котором заключен сценический пафос этой комедии» (С. Н. Дурылин, «Островский на сцене Московского Малого театра», М. 1938, стр. 73). Малый театр в 1935 г. создал острый сатирический спектакль, в котором артисты выступали с оригинальной трактовкой своих ролей. Очень интересно, по-новому М. М. Климов играл Городулина. «Его Городулин — это чуть постаревший, сильно отяжелевший Хлестаков... Думать ему „решительно некогда“: он — делец; он творит эпоху; он строит железные дороги (то есть режет купоны железнодорожных акций), он проводит „великие реформы 60-х годов“ (то есть под парами шампанского болтает всякий вздор в клубе), он... Да разве перечесть, что он делает?» (там же, стр. 75).

А. А. Яблочкина, игравшая Мамаеву, вспоминает: «Мамаеву играли многие крупные актрисы русского театра, играли по-разному, давали отличные друг от друга характеристики... Но вот

интересно: при всем различии трактовок они не выходили за пределы анализа личных качеств Мамаевой. Интерес актрисы сосредотачивался на ее любовных отношениях с Глумовым... Я стремилась... раскрыть типическое в ее характере, показать во всех ее неблагоприятных поступках отражение типичных качеств паразитического класса. Ни о каком обаянии Мамаевой уже не могло быть и речи» (А. А. Яблочкина, «Жизнь в театре», М. 1953, стр. 181–182). В этом спектакле весьма рельефно были показаны также ханжа Турусина (Е. Д. Турчанинова), интриганка Глумова (В. Н. Рыжова) и грубая шарлатанка Манефа (В. О. Массалитинова). В. Н. Рыжова — Глумова «играла умную, вкрадчивую старуху», которая посредством лести богатым дядюшке и тетушке помогала своему сыну устроить карьеру. «Трудно, — вспоминает Н. А. Смирнова, — забыть ее ужимки и мимику, когда она рассказывала Мамаеву, какой сон видел ее сын, когда ему было пять лет... Варвара Николаевна как-то по-особенному поджимала губы и смотрела на Мамаева глазками, подернутыми слезой» (Н. А. Смирнова, «Воспоминания», М. 1947, стр. 312–314). В. О. Массалитинова являлась перед зрителями «страшной, грубой, толстой бабой с выпученными глазами, жадными руками, зычным голосом, наглой обманщицей, любящей поест, выпить и пользующейся суеверием окружающих ее господ» (там же, стр. 314).